
ДУША
ВСТРЕЧА С ГОСПОДОМ
ПРАВОСЛАВНЫЙ ДАЙДЖЕСТ ДЛЯ ВСЕХ
Сентябрь 2013, №9(25)
Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Тихона, Митрополита Новосибирского и Бердского
РАБЫ ГРЕХА И РАБЫ ПРАВЕДНОСТИ
ЦЕРКОВЬ - НЕ АРМИЯ
Памяти о. Павла Адельгейма
ШКОЛА:
Добро пожаловать в реальность
ПОРНОГРАФИЯ НАСИЛЬСТВЕННЕЙ ТЕРРОРА

Редакторские заметки

С поправкой на личность

В православной среде время от времени оживляется довольно бурная дискуссия о нормах духовной жизни, а именно: о частоте исповеди и посещения богослужений, строгости поста и подготовки к причастию, молитвенном правиле и т.д.

Я сам в недавнем времени был активным участником таких обсуждений, но в какой-то момент понял, что эти споры бессмысленны.

Мы все время почему-то ищем какую-то усредненную норму выработки (вычитки молитвенного правила, выстаивания на службах, количества посещений храмов), одинаковую для всех, будто Бог – это госплан советского времени, который за выполнение нормы выдает зарплаты и премии.

Безусловно, для духовного совершенствования необходимы определенные правила, как и в других сферах жизни. Например, чтобы стать профессионалом своего дела, нужно приобрести знания и опыт работы. Для этого есть определенные учебные заведения и правила учебы в них. Но в то же время каждый приобретает знания и опыт по-своему. То же самое и в духовной жизни.

С одной стороны, Церковь опытным путем на протяжении веков выработала богослужебную практику и правила, а святые отцы в своих трудах отразили свой богатейший духовный опыт и дали нам неисчислимое множество советов о духовном совершенствовании. С помощью этого мы и можем учиться быть православными христианами.

С другой стороны, снова вспомним святых. У каждого из них был свой неповторимый путь и свои правила духовной жизни. Они не искали норм, не вычитывали и не выстаивали (терпеть не могу эти слова), но усердно подвизались в духовных подвигах и каждый по-своему преуспели в понимании и исполнении самых главных заповедей Христовых: **«Возлюби Господа Бога своего всем сердцем своим и всем разумением своим, возлюби ближнего своего как самого себя».** Они неустанно молились и учились. Искренне, пламенно, в меру своих сил и талантов.

Конечно, мы не святые. Но каждый из нас личность. Со своим характером, судьбой, темпераментом, генетическим набором и взглядами на жизнь. Мы не можем и не должны быть одинаковыми. И это прекрасно. У каждого своя молитва, свой храм, свои взлеты и падения, свой путь ко Христу. Поэтому мы должны, просто обязаны, делать поправку на личность, когда речь идет о каких-то правилах и нормах, тем более в духовной жизни. И к различным молитвенным правилам и церковным нормам нужно относиться как к духовной азбуке – ни больше, ни меньше. А дальше творчество, предпочтения и выбор…

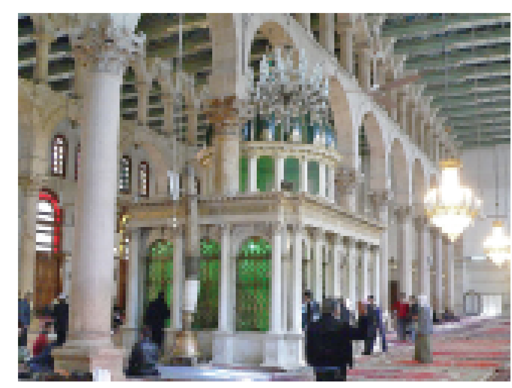
Кому-то нравятся акафисты и каноны, кому-то – короткие молитвы, кто-то может лишь молча поплакать пред иконкой, а кто-то и на это не способен, но ради Христа помогает всем нищим в округе. Всё хорошо, когда к Богу идет из сердца и от души.

Поэтому норма для всех, конечно же, есть – это Любовь, а все остальное – пути для ее достижения, и эти пути у всех разные.

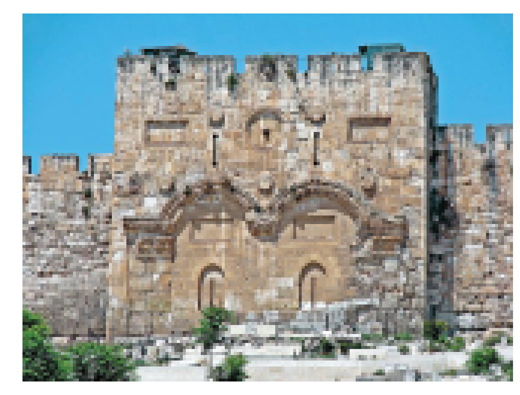
Олег Рыжков

11 СЕНТЯБРЯ
Усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна

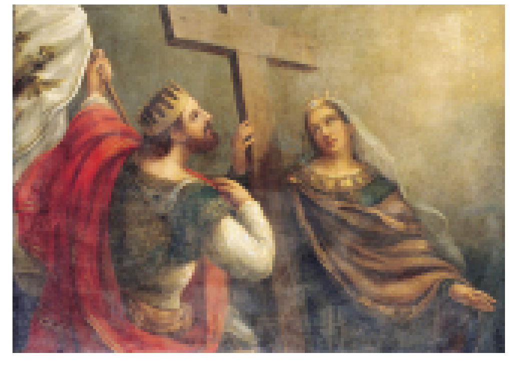
Гробница Иоанна Крестителя в мечети Омейядов (Дамаск).

21 СЕНТЯБРЯ
Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

Золотые врата Иерусалима. Здесь произошла встреча праведных Иоакима и Анны – родителей Пресвятой Богородицы.

27 СЕНТЯБРЯ
Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня

Святые Константин и Елена вокруг Животворящего Креста Господня. Фрагмент картины В.К. Сазонова, XIX век.

Православный духовно-просветительский сборник «Душа - встреча с Господом».

Одобрено синодальным информационным отделом РПЦ.
Св-во № 217, 12.07.2012.
Зарегистрирован УФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по НСО.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ТУ 54-00382 от 28.07.2011.
Учредитель и издатель: Рыжков О. Г.
Адрес редакции и издателя: 633010, Новосибирская обл., г. Бердск, ул. Карла Маркса, 15 - 75

Редактор-цензор: прот. Дионисий Михалев
Лит. редактор: Ангелина Гургуца
Редактор: Олег Рыжков
Дизайн и верстка: Алексей Николаевич
Распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии ОАО «Советская Сибирь» 630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104
Дата выхода: 3 сентября 2013г.
Заказ № . Тираж 56000 экз.

т. 8 (38341) 2-25-97, 8-963-942-96-57
E-mail: dusha.65@bk.ru

Дорогие друзья!

Мы просим вас не охладевать в пожертвованиях сборнику «Душа». Сборник распространяется бесплатно, но **издается за деньги.** Нам очень важна помощь каждого читателя. Существование сборника зависит от каждого из Вас.

Жертвовать на сборник просто и удобно:

1. Вы можете пополнять счёт редакционного номера: **8 963 942 96 57 (Билайн),** перечислив на него любую удобную для Вас сумму.

2. Вы можете пополнять счёт электронного кошелька через интернет: **410011484072751 (Яндекс. деньги)**

Сборник издается в начале каждого месяца

В г. Новосибирске сборник распространяется во всех православных храмах, а также на станциях Новосибирского метрополитена:

Ст. Красный проспект – журнальная стойка на выходе из метро со стороны Дома офицеров.

Ст. Площадь Ленина – журнальная стойка на выходе из метро с левой стороны от Оперного театра.

Ст. Студенческая – журнальная стойка на выходе из метро со стороны общежитий НГТИ.

Благодарим всех, кто нам помогает!

РЕКОМЕНДУЕМ:

Православный телеканал **«СОЮЗ»**
Радио **«Радонеж»** (СВ, УКВ)
Pravmir.ru – ежедневное интернет-СМИ «ПРАВОСЛАВИЕ И МИР»
Pravoslavie.ru - портал «ПРАВОСЛАВИЕ.Ru»
Azbyka.ru - православная энциклопедия «АЗБУКА ВЕРЫ».

СОДЕРЖАНИЕ:

Помощь пострадавшим от паводка

С 20 августа 2013 года по благословению митрополита Хабаровского и Приамурского Игнатия во всех храмах краевого центра объявлен сбор средств для помощи пострадавшим от паводков. Перечислить свои средства можно на расчетный счет:

Православная религиозная организация Хабаровская епархия РПЦ
ОГРН 1022700004360
ИНН 2724022563
КПП 272401001
Юридический адрес: 680021, г. Хабаровск, ул. Ленинградская, 65
р/с 40703810500220000193
Банк Дальневосточный филиал ОАО «МТС-Банк»:
БИК 040813838
Кор. Счет 30101810700000000838
Назначение платежа: Пожертвование на уставную деятельность. Помощь пострадавшим от паводка.

Беседа на трезвенный праздник – Усекновение главы Иоанна Предтечи

Пир, данный галилейским властелином Иродом Антипой в день своего рождения, подходил к концу. Во влажном, насыщенном ароматными испарениями изысканных блюд, драгоценных вин и увядающих уже цветов воздухе тускло мерцали светильники. Роскошный зал тонул в полном неги и чарующих грез полумраке, лишь изредка при колеблющемся свете вспыхивала позолота и поблескивал мрамор. Пресыщенные гости лениво перекидывались короткими фразами, в их взглядах, которые они часто бросали в сторону хозяина, читалось некое ожидание. Задумчив и безмолвен был властелин. Он знал, чего ожидают гости.

По принятому из Рима обычаю, Ирод, как хозяин пира, в конце его должен был устроить для гостей такое зрелище, которое могло бы приятно возбудить их уснувшие нервы и лениво движущуюся кровь. Над изобретением такого зрелища он и задумался. Но в отуманенной вином голове его мысли или медленно проплывали какой-то бесформенной, тяжелой, темной массой, или же мелькали с быстротой молнии, и его усилия сосредоточиться на чем-либо были мучительны, но бесплодны. А между тем из внутренних покоев на него был обращен пристальный, испытующий, горящий, как у кровожадного зверя, почуявшего близость добычи, взор Иродиады.

Давно уже она выжидала удобного случая, чтобы отомстить за свои погибшие мечты и рухнувшие честолюбивые планы, ради которых она оставила своего мужа Ирода Филиппа, родного брата Ирода Антипы. Виновником всех своих злоключений она считала Иоанна Крестителя. В ее ушах запечатлелся его обличающий голос, обращенный к Ироду Антипе: «Не достоит ти имети ее (Иродиаду)» (Мф. 14:4).

После этого обличения Ирод не посмел исполнить тех заманчивых обещаний, коими в Риме прельстил Иродиаду. Он совершенно оставил мысль жениться на ней и украсить ее главу царским венцом. И гордая честолюбивая женщина оказалась в незавидном положении наложницы Ирода. Тяжело ей было переносить такое унизительное положение, и она жаждала крови Иоанна Крестителя, требовала смерти его. Но преданный всевозможным страстям и порокам, потерявший всякое самоуважение Ирод, топивший остатки своей совести во все новых и новых пороках, не мог решиться предать смерти Крестителя. Кроме страха перед этим величайшим пророком Ирод чувствовал благодарность за те беседы с ним, которые давали мир и отраду его мятежному сердцу и воскрешали его убитую грехом душу. Под влиянием этих бесед Ирод как-то обновлялся и порой становился даже добродетельным. «Ирод бо бояшися Иоанна, ведый его мужа праведна и свята, и соблюдаше его; и послушав его, много творяше, и всласть его послушаше» (Мк. 6:20), – так говорит Евангелие об отношении Ирода к Иоанну Крестителю.

Но бесхарактерный и страстный по натуре Ирод скоро опять подпадал под тлетворное влияние хитрой и лукавой женщины. Такая двойственная жизнь, конечно, в минуты трезвых размышлений приводила его к отчаянию, и он все чаще и чаще устраивал пиры, на которых, по примеру Рима, допускались уже прямо оргии. Вероятно, ни на одном из предшествующих пиршеств Ирод так не злоупотреблял вином, как на этом, окончившемся кровавой драмой. Иначе Иродиада не нашла бы его состояние подходящим к исполнению ее замысла и на этом пиру. Она была уверена, что план мщения на этот раз удастся, когда посылала дочь Соломию в пиршественный зал.

Тихо и неожиданно появилась в зале красавица Соломия и начала пляску, в которой игрою глаз, губ, движением ноги, руки, изгибами всего тела старалась наглядно выразить то, что для человека представляет приятный яд. Апатия гостей быстро сменилась живым интересом. Ирод забыл свои думы и благодарным взором глядел на плясунью. И это позорное зрелище вознаграждено было священнейшей главой Крестителя, которая тут же, в этом пропитанном пьянством и развратом зале была передана плясунье на окровавленном блюде.

Ужасается истинный христианин дерзости Ирода и Иродиады и, вместе с тем, в самом событии, как и во всех жизненных явлениях, видит внушение свыше.

Ведь почти 2000 лет прошло со времени усекновения главы Иоанна Крестителя. А кажется, будто не было этих двадцати веков, и в наше вре-

мя весьма часто совершаются кровавые преступления, условия возникновения которых напоминают ту великую драму, которой закончился пир Ирода.

И в наши дни весьма часто кутежи в блестящих ресторанах, трактирах и других притонах, где льется рекою вино, где в лице женщин известного сорта присутствует разврат, оканчиваются кровопролитием и убийством. И все же люди, зная, каким опасностям подвергают свою жизнь в этих местах разгула, неудержимо стремятся туда.

Сами собою напрашиваются вопросы: для чего же всеблагой Бог попустил совершиться великому злодеянию 2000 лет тому назад и весьма часто попускает подобному совершаться и в наши дни? Частое повторение одного и того явления при одних и тех же обстоятельствах исключает всякую мысль о случайности и говорит о персте внушающем и указующем. Не должно ли все это понимать так: Господь попустил завершиться Иродову пиру великим злодеянием и при этом не пожалел величайшего из пророков, строгого постника и воздержника, чтобы ясно показать нам, как много зла, несправедливости, жестокости и лжи в пьянстве и разврате?

Мы и сами видим, что пьянство и его непременный спутник разврат разрушают жизнь человека во всех отношениях. Не говорим уже о многочисленных болезнях телесных. Жутко и больно вспоминать о детях-калеках, обреченных целый свой век страдать и, может быть, проклинать своих пьяных и развратных родителей. Какой ужас охватывает нас при виде дикой схватки озверевших пьяниц, с пеною у рта, с непримиримой злобой в налитых кровью глазах набрасывающихся друг на друга: их озлобленные сердца распалены несвойственным нормальному человеку желанием уничтожить друг друга. Без содрогания сердца нельзя представить то море слез, проливаемых малыми, голодными детьми и несчастными матерями вследствие пьянства отцов, мужей и взрослых сыновей… А сколько людей сделалось ворами, исключительно «благодаря» пьянству и разврату!

Мир и любовь в жизни семейной и общественной стали весьма редкими явлениями. Места, где все дышит любовью, где незримо, чудесно нисходит в сердца людей утешение, покой и ободрение, где льются радостные, благодарные, очищающие душу слезы, – я говорю о храмах Божиих – находятся в пренебрежении. Перед ними как бы гордятся своим ярким светом, блеском своей декоративной роскоши и многолюдством разного рода трактиры. И вообще жизнь людей представляется такой, как будто люди задались желанием до крайних пределов испытать долготерпение Божие, как и было это перед потопом и сожжением Содома.

Но Господь, как добрый, терпеливый, любящий Наставник, не хочет подвергать нас заслуженному наказанию, а с терпеливой настойчивостью требует, чтобы мы сознали, что, если не оставим пьянство и разврат, подойдем к какой-то неведомой для нас страшной беде. Отдавая в жертву пьяному Ироду и развратной Иродиаде Иоанна Крестителя, о котором сказано было, что он не пил ни вина, ни сикера, Господь желает не только внушить отвращение к вину пьющим его, но и показать, что при имеющей разразиться беде пострадают и непьющие. Последние виноваты уже тем, что, проводя жизнь трезвую, не старались воздействовать на пьяниц.

Но мы к внушению Господа относимся как ленивые и шаловливые школьники, для которых одно и то же нужно повторять несколько раз. И Господь, желающий нам всякого блага, весьма часто напоминает нам о кровавом пире Ирода. Ведь мы часто видим и слышим, что пирушки в местах пьянства и разврата оканчиваются кровопролитием и убийством без всякой сколько-нибудь основательной причины, а единственно вследствие злоупотребления вином и страстным, греховным желанием, как было и тогда, на пиру Ирода.

Впрочем, Господь и прямо предупреждает о той опасности, к которой приведет беспечная жизнь пьяниц и развратников, с одной стороны, и людей трезвых, если они не стараются воздействовать на первых, с другой. «Бдите и молитесь, да не внидите в напасть» (Мф. 26:41), – предупреждает Он нас.

Священник Димитрий Миролюбов

Московские церковные ведомости. 1914. № 43. С. 647–650

Рождество Божией Матери: слёзы в День рождения

Церковь Православная поет в этот день: «Иоаким и Анна поношения безчадства, и Адам и Ева от тли смертныя свободистася, Пречистая, во святем рождестве Твоем». О Пресвятой Богородице в Евангелиях сказано не так уж много. Ничего не говорится там о Её рождении на свет… Но так велико среди христиан почитание Пречистой Девы и Матери Спасителя нашего, так крепка любовь к Ней, что почти с самых первых веков церковное предание со тщанием собирает сведения о Её земной жизни.

Один из таких источников – апокрифическое Протоевангелие от Иакова, написанное, как предполагается, во II веке (возможно, оно является самым ранним текстом, удостоверяющим почитание христианами Богородицы), – говорит о Её вечном девстве и представляет Её как новую Еву. Протоевангелие, авторство которого приписывается апостолу Иакову, сроднику Христову, повествует о детстве и юности Девы Марии и о событиях во время рождения Спасителя.

Мы с вами, конечно, понимаем, что формальной исторической точности фактов в апокрифах искать не приходится, но там есть нечто не менее, а может, и более важное: то, что дает пищу любящему христианскому сердцу, что укрепляет его веру, придает бодрости его упованию…

«В двенадцати коленах Израиля был некто Иоаким, очень богатый человек, который приносил двойные дары Богу, говоря: Пусть будет от богатства моего всему народу, а мне в отпущение в умилостивление Господу.

Наступил великий День Господень, когда сыны Израиля приносили свои дары.

И выступил против него (Иоакима) Рувим, сказав: Нельзя тебе приносить дары первому, ибо ты не создал потомства Израилю.

И огорчился очень Иоаким, и стал смотреть родословную двенадцати племен народа, говоря: поищу в двенадцати коленах Израиля, не я ли один не дал потомства Израилю.

И исследовав, выяснил, что все праведники оставили потомство Израилю.

Вспомнил он и об Аврааме, как в его последние дни Бог даровал ему сына Исаака.

И столь горько стало Иоакиму, и не пошел он к жене своей, а ушел в пустыню, поставил там свою палатку и постился сорок дней и сорок ночей, говоря: не войду ни для еды, ни для питья, пока не снизойдет ко мне Господь, и будет мне едою и питьем молитва.

А жена его Анна плакала плачем и рыданием рыдала, говоря: Оплачу я свое вдовство, оплачу мою бездетность…»

Слезная молитва бездетных праведников, как далее мы читаем в Протоевангелии, была услышана: ангел возвестил им о том, что у них родится чадо, которое снимет с них позор бездетности и, мало того, принесет спасение всему миру…

Подобно праотцу Аврааму и Сарре, а впоследствии – Захарии и Елисавете, рождение ребенка у Иоакима и Анны тогда, когда супруги уже отчаялись его иметь, явилось прямым даром Божьим, не просто Его ответом на горячие мольбы или даже на неукоснительную строгость соблюдения заповедей, данных всему Израилю, но частью очень важной вещи: личных, живых и неформальных, исполненных любви, почитания, иногда – ревностного вопрошания, всегда – умения внимать и послушания, отношений с Господом, того, что на языке Священного Писания именуется «ходить перед Богом».

Именно эти личные отношения и есть основа главной заповеди Божьей, заповеди о любви. И если применить ее к семье, к ситуации мужчины и женщины, мужа и жены, то звучит она так: «Любить Бога всем, что в тебе есть, и свою вторую половину как самого себя».

В иных брошюрах и статьях, которые во множестве издаются под церковными грифами, мы читаем, что единственная цель и оправдание брака – деторождение. Однако недаром венчание выделено Церковью в отдельное таинство. И ключевые слова, которые звучат при венчании в молитвах священника и чтении апостольского послания, напоминают нам заповедь Божию о том, что детям предстоит отлепиться от родителей, стать самостоятельными личностями, мужчине и женщине – найти друг друга и стать единою плотью.

Отнюдь не первое место в браке занимает простое биологическое продолжение рода, смысл любви между мужем и женой – куда более высок и глубок… «Вторая половина, найти свою половинку» – народное сознание нашло именно эти, очень точные, слова, чтобы обозначить любовь между мужчиной и женщиной, охарактеризовать

Крупицы истории

Еще при жизни Пресвятой Богородицы было положено начало почитанию Её икон. До нашего времени дошли несколько изображений Её Пречистого Образа, сделанных евангелистом Лукой. Одним из образов, принадлежащих письму евангелиста, по преданию, является знаменитая Владимирская икона Божией Матери, сыгравшая великую роль в судьбе России.

azbyka.ru

брак именно как онтологическое соединение двух личностей, предназначенных от века быть единым целым, союз, установленный Самим Богом.

Когда мы обращаемся к первоисточнику – Книге Бытия, к рассказу пророка Моисея о сотворении мира и человека, мы видим, что человек, «а-адам а-ришон», первочеловек, от которого впоследствии размножились все племена и народы и берет начало каждая живая душа человеческая, создан единой личностью. Мужское и женское начало таинственно соединено в нем воедино.

Каков был образ бытования Адама до появления Евы – в Библии говорится мало, но мы знаем, что появилась Ева именно через таинственное отделение ее от Адама. Мужчина и женщина, «иш» и «иша», некогда были одним целым. «Ребро Адама», то, что иногда в маловоцерковленном обывательском понимании так впрямую и представляется как реберная кость (помните старую плоскую шуточку: баба – дура, потому что из ребра сотворена, а в ребре костного мозга нет), на языке первоисточника звучит как «цела» – сторона, грань личности первочеловека.

С тех самых пор смысл земной любви между мужчиной и женщиной, поиск «своей половинки» – глубинное стремление вновь обрести некогда утраченную полноту и цельность. Брак – союз, в котором двое должны стать одним, не теряя при этом каждый своей личностности, но обретая нечто новое, большее…

Анализу приземленного разума это таинство до конца не поддается, подобно таинству соединения двух природ Христа в одну неповторимую Личность, но тем не менее было и останется одной из Богоданных основ бытования человека на земле. А вот деторождение, к слову сказать, хотя и оно – тоже великий дар Божий, появилось уже позднее, после грехопадения, после того, как начался многотрудный и долгий путь первых людей в земной юдоли. И самое имя «Ева» (Хава), «дающая жизнь», женщина получила от своего мужа, уже будучи вне пределов Эдемского сада…

Деторождение появилось позднее, но мы с вами нисколько не хотим умалить его значение. Наоборот, история Иоакима и Анны, в основных чертах повторяющая библейские истории иных чудесных деторождений, полна глубокого смысла: брак лишь тогда принесет благословенный плод, когда единые между собой двое – станут едины с Третьим, когда прилепившиеся друг к другу любовью муж и жена прилепятся любовью к Богу.

Если двое не обрели Бога (по-настоящему, а не формально, исполняя «по традиции», по корыстным или политическим соображениям, те или иные религиозные предписания), не вступили в Его Царство, не обрели вечной жизни – то их союз так и останется союзом смертных, длящимся не далее общей для всех могилы, и все их деторождения будут просто появлениями в подлунный мир еще одних смертей…

Сегодня – День рождения Приснодевы Марии, Матери нашего любимого Спасителя. Мы знаем, что Спаситель у нас – один. И тем не менее мы и к Ней дерзаем обращаться с молитвой: «Пресвятая Богородице, спаси нас!», пусть это и не согласуется с буквой догматов. Но согласуется – с их духом, с правотой любящего, покаянного, верующего сердца.

Священник Сергий Круглов
pravmir.ru

Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня

«Ты не можешь назвать ни одного мучения, которого бы Я уже не взял на Себя».

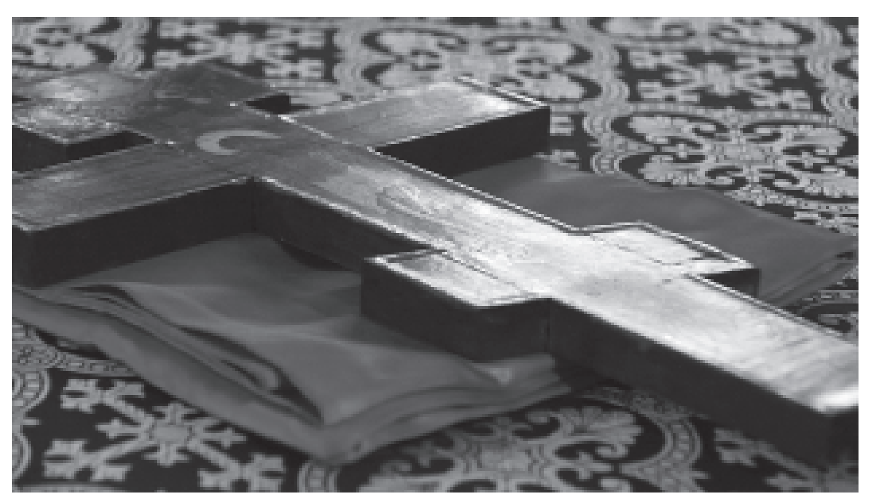
В Евангелии мало слов, которые было бы нам так трудно принять и так важно принять, как слова Евангелия этого дня, – о том, что должно «отречься себя» и взять на себя крест. И недаром Господь сейчас же прибавляет укоризну и угрозу тем, кто постыдится Его слов «в веке сем». Это необходимое напоминание, ибо век сей и князь века сего делают мыслимое и немыслимое, чтобы слова об отречении от себя, от своей самости и путь добровольного принятия креста представить как нечто смешное, или безумное, или странное и нелепое, чтобы мы перестали слышать эти слова и сделали их простой условностью: ну вот, какие-то мелкие неприятности – это крест, кресты мы все несем, у всех есть какие-то неприятности. «Отречься себя» – что значит «отречься себя»?

Одновременно мы слышим, как голос века сего, не умолкая, внушает нам противоположное. Мы пережили эпоху, когда голос века сего звучал в безбожной пропаганде. Но сейчас, когда эта безбожная пропаганда умолкла, мы продолжаем слышать его в той же рекламе, которая ежечасно выворачивает заповеди блаженства, и век сей, князь века сего внушает нам: «Нет, блаженны не плачущие, не нищие духом, не алчущие и жаждущие правды. Блаженны преуспевшие, победившие, прославившиеся, стяжавшие, не стыдящиеся своих страстей». Их ублажает век, и нужно мужество, мужество, которого Господь требует от нас под самой страшной угрозой, – не постыдиться слов Его в веке сем. Сохранить им верность. И хотя бы в малую меру пытаться исполнить.

Крестная казнь включала в себя то, что на место казни надо было доставить этот тяжелый крест, и по римскому обычаю для того, чтобы усугубить мучения казнимого, он же и должен был до места казни крест нести на себе. Но Бог обращает к иному замысел палачей, думающих только об издевательстве над казнимым. То, что распинаемый, осужденный должен сам нести на себе крест, делает возможным зримый образ добровольного, великодушного принятия. Он сам простирает руки к этому кресту. Но в каком расположении сердца? И разбойники (в их числе нераскаянный разбойник) тоже принуждены нести свои кресты. Но можно простереть руки к своему кресту как к дару Божьему, тому, что нам дается свыше, и обратить унижение наших жизненных невзгод в царственную добрую волю к их принятию. Принять по доброй воле, в щедром, великодушном, царственном, прощающем расположении своего сердца то, что, может быть, все равно должны были бы принять, но только как посмеяние и унижение. И Небесный Отец наш, давший нам славу быть Его чадами, давший нам так много – таланты, мужество, способность совершать подвиги храбрости, делать дела мастерства, может быть, не дал нам никакой более высокой возможности на земле, чем эта. Ибо у Бога иная мерка.

Как знать, может быть, в час Суда многие удивительные дела мужества будут оценены не так уж высоко, потому что человек делал их, гордясь перед другими или хотя бы перед собой. Что до так называемого творчества человека, причастности человека творчеству Божьему, то ведь это всецело подарено Богом. Но то, что, может быть, больше подходит к творчеству Бога из ничего – не так называемое творчество поэтов, художников, мыслителей, творящих из того, что уже дал им Бог, – но действие, скромное и незаметное действие свободной воли человека, который берет на себя добровольно и незаметно, не красуясь ни перед другими, ни перед собой, тяготу (может быть, даже не столь уж страшную тяготу, но в чистом и великодушном расположении сердца) только для Бога, не для того, чтобы понравиться другим или себе самому. Или даже, может быть, нам дана по Божьей щедрости еще такая возможность – принять добровольно то, что мы все равно терпим не по нашей воле. Это тоже при должном расположении сердца засчитывается нам не как поражение, а как победа, не как унижение перед обстоятельствами жизни, а как щедрый подвиг, подвиг добровольца. Поэтому при одной мысли об этом, если наше сердце не изумляется, то мы должны просить у Бога, чтобы Он отнял от нас окаменелое нечувствие и дал нам видеть, как мы каждую секунду среди наших мелких досад, огорчений, обид имели возможность сделать, осуществить самое высокое, к чему Он нас призвал.

У одной английской писательницы есть пьеса, герой которой – горделивый художник, который верует в Бога и готов перед Богом даже и покаяться в своих грубых грехах,

но не может расстаться с гордыней художника. И бросает в лицо Самому Христу в беседе с Ним вызов: «Нет, от этого, от моего величия художника я не откажусь, какие бы мучения Ты мне ни послал за это. Я готов принять любое мучение». Он гордо готов принять любое мучение, и Христу достаточно ответить: «Ты не можешь назвать ни одного мучения, которого бы я уже не взял на Себя». Дай нам Бог не забывать это в наше время, которое особенно стремится к тому, чтобы искоренить даже и у людей верующих чувство креста. Если человек болен, значит, еще недостаточно хороша медицина, надо найти врача лучше, еще лучше. Если в нашей стране нет хороших врачей – это причина для гнева и обиды, но в других странах есть. А если еще какие-то болезни сегодня неизлечимы, они будут излечимы завтра. Прогресс обещает как будто устранить крест из человеческой жизни.

Крест, конечно, устранен не будет. Люди страдают и будут продолжать страдать. То, что нам угрожает, – это потерять правильное расположение сердца по отношению к кресту: воспринимать тяготу как обиду со стороны других людей, недуги – как ошибки и дурную работу врачей, самую смерть – как медицинскую ошибку. Да не будет с нами этого. Да не согласится человек отдать самое высокое достоинство, ему предоставленное, самую светлую возможность причастности к царственному кресту Христову. Ибо если жертва Христова не может и не должна быть повторена, то нам дана возможность быть ей, этой неповторимой Первосвященнической жертве, причастными. Апостол Павел имеет даже дерзновение говорить о восполнении нами меры страданий Христовых. Жертва едина. И один Невинный, имеющий силу и достоинство принести эту жертву. И мы должны также, думая о Кресте Господнем, о его тяжести, вспомнить, что наши грехи, грехи каждого из нас составляют тяжесть этого Креста Господня. Есть древнее святоотеческое размышление, дошедшее в числе сочинений блаженного Августина, хотя ему, по-видимому, не принадлежащее, где верующий обращается ко Христу – Младенцу, Отроку, Мужу, такому любимому, прекрасному, чистому, совершенному, невинному, и спрашивает, спрашивает снова и снова: «За что же Ты должен страдать, что составляет Твою муку? Это я. Ты страдаешь за меня. Мои грехи собирают тяжесть Твоего креста».

Крест – это суд над веком сим, ибо что мы видим? В человеческой жизни есть немало такого, что само по себе почтенно, хорошо, устроено для сохранения справедливости – суды, государство, уклад семейной жизни. Но все испорчено грехами. И для Того, Кто совсем неповинен, – где для Него место в этом мире? Христос свидетельствовал о Себе, что Он, в отличие от птиц, имеющих гнезда, и зверей, имеющих норы, не имеет где приклонить главу. Святость, полная чистота, не вступающая ни в какое смешение со злом мира, не имеет в этом мире где приклонить главу. И в конце концов отыскивается одно-единственное место, которое мы еще не успели, не сумели осквернить, которое невозможно осквернить, – это крест. Это место чистого страдания.

Помолимся о тех, кто за нас берет на себя трудные, тяжкие, жертвенные подвиги. А о себе, не делающих этого, помолимся, чтобы у нас было, по крайней мере, доброе и чистое расположение пред лицом всех тех малозначительных или более серьезных тягот, на которые так щедра жизнь, чтобы мы принимали крест как крест и в это же мгновение прощали обижающих. Клеветники против веры, глумящиеся над христианской идеей смирения, всепрощения и принятия на себя креста, многократно повторяли, что это – тупое, рабское чувство, рабская покорность, не различающая справедливости и несправедливости, безразлично все принимающая. Бывает и это. Но это никак не христианское принятие креста. Ибо о христианине, приемлющем крест, сказано: «Блаженны плачущие». По-гречески употреблено слово, означающее как бы несущих траур, то есть не принимающих, не приемлющих неправды и не позволяющих себе дешевого утешения перед лицом зла мира. И так же в заповедях блаженства сказано: «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Вот что такое принятие креста – согласие страдать самому и неприятие неправды мира, отторжение греха и прощение грешника. Господи, дай нам видеть это в малом и в великом, каждый миг, когда мы выйдем из этого храма и пойдем по нашим путям. Дай нам не забывать этого. Не оставляй нас. Аминь.

Аверинцев С.С.
pravoslavie.ru

Свобода от греха и рабство праведности

Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Казанской иконы Божией Матери в Казанском соборе на Красной площади.

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства! Досточтимый отец настоятель! Дорогие отцы, братия и сестры!

Всех вас приветствую сердечно с великим для нашей Церкви праздником Казанской иконы Божией Матери. В этом году этот праздник совпал с воскресеньем, поэтому мы слышали Евангельские (Мф. 8:5–13, Лк. 10:38–42, 11:27–28) и Апостольские (Рим. 6:8–23, Флп. 2:5–11) чтения, посвященные воскресному дню, а также и Божией Матери.

В воскресном Апостольском чтении (а это был небольшой отрывок из Послания к Римлянам) мы находим удивительные слова: «Освободившись от греха, вы стали рабами праведности». «Какой же плод вы имели, когда были рабами греха?» – спрашивает апостол, и отвечает: «Такие дела, каких стесняетесь и ныне; плод же их был грех, а конец – смерть». «Когда же освободились от греха, – продолжает апостол, – и стали рабами Божиими, то плод ваш – святость, а конец – жизнь вечная». Глубоко убежден: эти слова должен знать каждый современный человек, потому что ни одно слово не употребляется так часто в общении между людьми, в провозглашении тех или иных политических позиций, как слово «свобода». Мы знаем, что за свободу люди боролись и погибали. Но вот что удивительно: если проанализировать все эти грандиозные битвы за свободу и вспомнить, что бывало после, то можем ли мы сказать, что эти человеческие жертвы действительно приносили людям свободу? Не буду приводить много примеров битв во имя свободы, которые оборачивались тиранией, гибелью людей, лишением свободы, развращением нравов. Достаточно вспомнить только два события. Во-первых, Французская революция, вслед за которой пришел террор, а затем Наполеон, который уничтожил сотни тысяч людей, стремясь распространить свое господство над всей Европой. Ну, а в нашей истории начало XX века также было отмечено неудержимой борьбой людей за свободу, которая обернулась террором, диктатурой, гибелью миллионов людей.

Почему же так происходит? Почему даже жертвы людей во имя свободы не останавливают последующие поколения от ошибок, от греха, от безумия, от крови? Да именно потому, что в сознании людей спутались два величайших понятия, каждое из которых имеет ценность, но которые необходимо различать.

Человек должен иметь свободу выбора. Наверное, за эту свободу выбора и боролись люди, чтобы никакие внешние обстоятельства, никакая тирания, никакое господство богатых над бедными, одних сословий над другими не мешали людям выбирать то, что они желают выбрать.

Но сам по себе выбор – это механизм. Обеспечить им необходимо, но главным остается вопрос: а что человек выбирает в результате свободы? И вот в сегодняшнем отрывке из Послания к Римлянам, который мы зачитали во время Литургии, апостол Павел и говорит нам, что самое главное – это то, к чему ведет свобода. Если человек в результате обретения свободы становится рабом греха, то его конец – смерть. Но если он, обретя свободу, принимает Бога и становится рабом Божиим, то тогда плод – святость, а конец – жизнь вечная.

Как замечательно иллюстрирует эту Божественную истину, переданную апостолом, вся человеческая история! Там, где после обретения свободы избирается грех, там смерть, там террор, там диктатура, вне зависимости от того, как эта диктатура оформляется – диктатура личности, партии, группы, диктатура финансовой мощи… А там, где диктатура, там, где человек лишается свободы, его очень легко направить в любую сторону, в том числе к совершению греха; а где грех, там смерть.

Может быть, не для всех понятно это выражение апостола Павла – «где грех, там смерть», ведь каждый знает, что согрешая, он тут же не умирает; а иногда люди грешные, кощунники, крайне враждебно относящиеся к религии, ненавидящие Бога и Церковь, живут, и гром с неба не поражает их, за редчайшим исключением… Нужно понимать, что имеет в виду апостол Павел, когда говорит о смерти. Речь идет о духовной смерти человеческой личности. Там, где грех, там смерть духа, там человек превращается в животное, там он лишается свободы выбора, потому что полностью управляем своими инстинктами, своими влечениями, своим грехом. И как просто управлять таким человеком! Дайте ему где-нибудь больше возможностей удовлетворять свои инстинкты и грешить, и он пойдет туда, он отвернется от всего, что еще вчера было для него важным, святым, заветным, с чем связывались идеалы его родителей, его предков. Он пойдет в то стойло, где сытно кормят и где он может жить по закону инстинкта. Это и есть смерть, потому что человек умирает как свободная личность, его разум перестает управлять чувствами и соединяется с чувственным началом настолько, что работает на утверждение именно такого, а не иного образа жизни.

История дает нам множество примеров этой духовной смерти. На уровне личности это, может быть, не так заметно. Но когда грех в результате свободного выбора человека накапливается в масштабах общества, народа или государства, тогда он становится зримым, видимым. У такого общества, у такого государства нет будущего – история вновь и вновь показывает, как нравственное растление, помрачение сознания, смешение добра и зла делало человеческое общество нежизнеспособным.

Мы живем в то время, когда колоссальные силы направлены на то, чтобы убедить всех нас в том, что единственной ценностью является свобода выбора и никто не имеет права посягать на эту ценность, даже когда человек выбирает зло, даже когда человек выбирает социально опасное поведение, – если только не нарушаются нормы гражданского закона. Но мы знаем, как легко обойти все эти нормы. Мы знаем, что никакой, даже самый совершенный закон не может искоренить преступности, коррупции, зла, лжи, конфронтации, – их может искоренить только человек, сделавший свободный выбор в пользу добра. В последнее время мы сталкиваемся с огромными искушениями, когда в ряде стран выбор в пользу греха утверждается и оправдывается законом, а те, кто, поступая по совести, борются с такими навязанными меньшинством законами, подвергаются репрессиям. Это очень опасный апокалиптический симптом, и мы должны делать все для того, чтобы на пространствах Святой Руси грех никогда не утверждался законом государства, потому что это означает, что народ вступает на путь самоуничтожения.

Мы сегодня отмечаем праздник в честь Казанской иконы Божией Матери. С этим образом связано много чудес, и, может быть, первое из них – это то, что обретение иконы в 1579 году в Казани дало мощный духовный импульс нашему народу, во многом послужив тому огромному миссионерскому деланию, которое затем было совершено на просторах Сибири. Собственно говоря, присоединение Сибири к Руси и совершалось под Покровом Божией Матери. В большинстве случаев это было бескровное присоединение, – хотя и случались какие-то стычки и военные столкновения, но в основном это был мирный процесс, связанный с мирной колонизацией огромных сибирских просторов.

А затем с именем Божией Матери и с Ее Казанской иконой было связано другое судьбоносное событие – избавление Руси от иноземных оккупантов, которые вошли в Москву и в Кремль. Мы знаем, как нам особенно напомнил прошедший год, когда мы праздновали 400-летие освобождения Москвы от польских захватчиков, – это событие было напрямую связано с Казанской иконой Божией Матери, в честь которой и воздвигнут этот исторический храм на Красной площади. Знаем, что с Казанским образом связаны и важные события во время Великой Отечественной войны. Всякий раз, когда народ наш проходил через испытания, мы объединялись в молитве пред Божией Матерью, вознося эти молитвы, очень часто, пред Казанским Ее образом.

Вот и сегодня мы должны молиться о всей исторической Руси, о стране нашей, о народе нашем, чтобы Царица Небесная приклонила Свою милость, чтобы народ наш пребывал в рабстве праведности, но не в рабстве греху, ибо плод праведности есть святость, а конец – жизнь вечная. И потому наша брань не против плоти и крови (Еф. 6:12). Наша брань не за какие-то частные интересы. Наша брань – за судьбу Отечества нашего и за судьбу рода человеческого, и потому в этой брани выигрывает тот, кто сильнее духом, а дух укрепляется верой и молитвой.

Пусть же Царица Небесная приклонит к нам Свою милость и дарует нам духовную силу – во утверждение святости и в провозглашение жизни вечной, которая и есть спасение для людей, которая и есть обещанное Богом Царство Небесное.

21 июня 2013 года
Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

Не следует драматизировать ослабление веры в какой-то момент жизни

Из проповеди Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Преображения Господня в Соловецком монастыре.

Среди тех, кто присутствовал на Фаворе, был апостол Петр. Именно он, как свидетельствует евангелист, сказал, не зная, что говорил, Самому Господу: «Нам здесь очень хорошо быть. Давай построим три сени, три палатки: одну – Тебе, одну – Моисею, одну – Илии». Он был в памяти, в сознании, у него была своя реакция на то, что происходит, и он выразил ее в этих неумелых, непонятных словах, сказав, однако, самое главное: что на Фаворе было хорошо, что эта блистающая слава Спасителя пронзила недоуменное сознание апостолов, что для них это был действительно реальный опыт соприкосновения с Божиим Царством и с вечностью.

А что же произошло потом? Когда Спаситель был арестован, когда Его повели во двор первосвященника Каиафы, когда начался допрос, – что произошло с Петром, который был свидетелем Преображения? Он испугался, и не он один. Мы ничего не знаем об Иакове, который тоже был на горе Фавор, но и он наверняка убежал вместе с другими из числа Двенадцати апостолов. Только Иоанн, как мы знаем, юнейший, сохранял великое чувство привязанности и любви к Спасителю, что помогло ему не убежать, не скрыться, но вместе с Матерью Господа стоять на Голгофе. А все остальные, включая Петра, разбежались.

Как же опыт Преображения, опыт лицезрения Божественной славы? Он был впустую? Он, стало быть, не уберег апостолов от страха, не уберег от отречения даже Петра, того самого, который палатки хотел строить на горе Фавор – так радостно было ему? Действительно, и Петр отрекся, и апостолы разбежались. Неслучайно мы сегодня за Литургией читали отрывок из Второго соборного послания апостола Петра (2 Пет. 1:10–19). Соборным это послание называется потому, что обращено не к каким-то конкретным адресатам, не к тому или иному городу, не к той или иной общине, а ко всему христианскому миру. Вот апостол Петр и говорит: «Братия, твердо стойте в звании и призвании, которое вы имеете, потому что только через эту стойкость вы спасетесь».

Одна эта фраза из сегодняшнего послания помогает нам понять, какой опыт пережил апостол Петр и на горе Фавор, и в момент отречения. Эти слова идут из глубины его души, из его собственного трагического опыта. Он понял, что только твердость в звании и в призвании способна уберечь, как он говорит, от претыканий, то есть от ошибок, в том числе от измены, от потери веры, от ослабления духовных сил, от разочарований.

Каждый из нас в той или иной мере соприкасался с тем, что можно охарактеризовать как присутствие Божией благодати. Это происходит и во время богослужения, особенно совершения Таинства Святой Евхаристии и Таинства Крещения над взрослыми людьми. Это происходит в моменты молитвенного уединения, особенно у иноков, у тех людей, которые живут в полном одиночестве, и во время ночной молитвы, при мерцании лампады, испытывают особое вдохновение, особую радость, особое присутствие Божие. Думаю, есть и среди вас, братие, те, кто может подтвердить, что это так. Это и есть пребывание на Фаворе – соприкосновение с Божией благодатью, переживание опыта Божественного присутствия. Это и есть наш Фавор. А для людей, живущих в миру, это иногда связано с удивительными чувствами, которые человек переживает, созерцая красоту природы или даже рукотворную красоту творений великих художников, в сердцах которых была вера и которые создавали шедевры изобразительного искусства, или слыша особенно вдохновенные музыкальные произведения, которые затрагивают нашу душу. Через все это мы встречаемся с Богом, потому что за подлинным творчеством – всегда Бог; и мы испытываем некое внутреннее преображение.

Особенно же сильно это чувство у тех, кто из неверия приходит к вере, кто, встретившись с Господом, реально чувствует Его присутствие и считает, что теперь он начнет новую жизнь, что все старое оставлено позади: не будет больше грехов, не будет больше соблазнов, не будет больше измен, не будет больше разочарований; теперь он уже с Богом и никогда с Фавора не сойдет. А потом оказывается, что в жизни происходит другое, – мы сходим с Фавора и снова оказываемся в гуще толпы, в гуще повседневной жизни с ее соблазнами, с ее проблемами, с ее конфликтами; и как часто мы теряем то вдохновение!

Иногда приходится слышать даже от священнослужителей: «Я потерял то, что имел в момент

хиротонии. Вспоминаю как действительно фаворское чудо ту радость, которую испытывал в момент хиротонии, ту силу духовную, которая сопровождала меня первые годы служения, – а теперь я так привык ко всему, что делаю, что совершаю, что потерял чувство страха Божиего от соприкосновения со святыней».

Но ведь то же происходит и среди иночествующих, которые взлетели в эту обитель, движимые силой благодати Божией, через какое-то внутреннее состояние, какое-то собственное чудо, перевернувшее их жизнь; а потом повседневная жизнь с ее заботами и послушаниями, с тяжелым климатом, сыростью и холодом, притупляет чувства… Каждый из нас в какой-то момент жизни проходит через внутренние кризисы, вновь и вновь задумываясь о том, что означает для него вера. Иногда кажется, что это какой-то уникальный опыт: «только у меня такая проблема – все вокруг чувствуют себя прекрасно; так почему в моей душе происходит это смятение, эта потеря или ослабление веры и благочестия?» И как тут не вспомнить слова апостола Петра, который прошел через то же, что и каждый из нас, но прошел более драматично. Он прошел через отречение от Спасителя и удивительным образом выразил свой духовный опыт присутствия на Фаворе и последующего отречения в тех словах, которые мы сегодня слышали: «Братия, будьте тверды в своем звании и призвании, и тогда никогда не поколеблетесь».

Эти слова – действительно не от мудрости, не от образования, не от знания, а от реального опыта апостола. Здесь же он говорит, что свидетельство апостольское о присутствии Господа Иисуса Христа – не от хитросплетенных басен, но от апостолов как очевидцев славы Божией. Насколько же мы должны доверять этому свидетельству апостола Петра, который ничего не скрывает, который в послании, нами прослушанном, свидетельствует о своем собственном опыте отпадения от Спасителя и утверждает, что только твердость и последовательность могут оградить нас от преткновения!

А что это значит в конкретных жизненных категориях? Это значит, что не следует драматизировать, как иногда бывает, ослабление благочестия или веры в какой-то момент своей жизни. Нужно отбросить все эти негативные эмоции. Нужно вспомнить и об апостоле Петре, и о Фаворе, и об отречении, и быть твердым в своем уповании, твердым в своем призвании. А твердость означает терпение, мужество, способность преодолевать тревоги и проблемы окружающей нас жизни и наши внутренние тревоги и проблемы.

Иногда сторонним людям кажется, что религия – удел слабых. Нас учили в безбожное время, что человеку сильному никого не нужно, что он сам все сделает в жизни, сам проложит пути для своего благополучия; а вот слабым людям – им Бог нужен, им нужно на кого-то опираться, потому что на самих себя опереться они не могут. Глубочайшее заблуждение. Религия – дело сильных людей, хотя бы потому, что религиозный выбор требует необычного отношения к самому себе, необычной проницательности и способности разобраться во внутренних перипетиях своей духовной жизни. Хотя бы потому, что этот выбор требует идти против мнения большинства людей, которые, может быть, формально связывают себя с верой, но не живут по вере. И, что самое главное, вера требует от нас постоянной внутренней работы, той самой твердости в призвании и уповании.

patriarchia.ru

Церковь и будущее

Патриарх Кирилл, посетивший Новосибирскую митрополию, сказал о том, что религия, вопреки заблуждениям, является делом будущего и настоящего. Об этом было важно сказать.

В самом деле, тезис о том, что Церковь – это что-то уходящее, связанное с прошлым, до сих пор провозглашается некоторыми публицистами как что-то само собою разумеющееся. Между тем он попросту неверен.

Церковь существует уже две тысячи лет. Это самое старое из существующих сообществ и в истории России, и в истории мира. Церковь видела восход и падение могучих империй, рождение новых народов и исчезновение старых, возведение величественных городов и обращение их в прах. Каждый день христианин обращается, как к своим собеседникам и наставникам, к Апостолам, жившим в первом веке нашей эры, и к святым, жившим в третьем, четвертом, пятом и всех прочих веках. Поэтому для него естественно видеть события в их исторической перспективе.

Церкви предсказывали, а то и приказывали полное исчезновение, практически сразу же после ее появления. Уже для античных критиков христианства было чем-то очевидным, что эта новая вера должна вскоре исчезнуть, столкнувшись с презрением высших классов, ненавистью толпы и преследованиями государства.

Неизбежное и скорое исчезновение Церкви предсказывали и позже – и в XVIII, и в XIV, и, особенно, в XX веках. В 1902 году известный исследователь Уильям Джеймс писал: «В воздухе, которым мы дышим, носится представление, что религия есть анахронизм, пережиток, атавистический образ мышления, который уже превзойден наиболее просвещенными людьми». Действительно, таковым нередко бывало общее настроение образованных кругов. XX век видел временное торжество воинствующе антихристианских идеологий, которые не скрывали своего намерения стереть Церковь с лица земли. Многие из нас еще застали огромные плакаты, возвещавшие: «Победа коммунизма неизбежна!»

Обращаясь к страницам истории, мы видим, как вновь и вновь возникали идеологические течения, претендовавшие на то, что они открыли последнюю правду о мире и человеке, что обо всем – включая Церковь – надлежит судить с их идеологических позиций, что будущее за ними. Когда эти течения обнаруживали, что Церковь не спешит встать под их знамена и провозглашать их послание, они объявляли, что она есть пережиток прошлого, которому нет места в том дивном будущем, которое они построят.

Такие настроения не исчезли, время от времени они провозглашаются и сейчас, для них у социологов есть специальное название: «секуляристский тезис». Это представление о том, что современность несовместима с религиозностью, и чем более современным, образованным, технологически развитым будет общество, тем меньше места в нем будет оставаться религии. Некоторые люди верили и в обратную связь: чтобы общество успешно развивалось, религия должна быть искоренена (как полагали коммунисты) или, по крайней мере, вытеснена в сферу частных увлечений (как полагали и полагают приверженцы более мягких форм секуляризма).

Современные социологи пришли к выводу, что «секуляристский тезис» не оправдался. Религия и не думает исчезать из современных, высоко технологических обществ. Показательно, что среди приложений для операционной системы Android программы для чтения Библии оказываются среди наиболее популярных, а такие высокоразвитые страны как США или Южная Корея продолжают сохранять весьма заметное присутствие религии.

Возрождение интереса к религии переживает практически весь мир. Исключением, в определенной мере, является Западная Европа, где религия, действительно, выдавливается из общественной сферы, хотя и сохраняет намного более заметное присутствие в государстве и обществе, чем это имеет место в России.

Особенностью нашей страны (как и некоторых других стран, самая большая из которых – Китай) является пережитая в относительно недавнем прошлом грандиозная попытка построения светлого будущего, в котором религии не будет места, будущего, устроенного на началах того, что воспринималось как Наука, Разум и Прогресс.

«Царства свободы и разума» не получилось, и десятки миллионов людей в нашей стране и в других странах заплатили своими жизнями за попытку построения атеистической утопии. Более сдержанные формы секуляризма, предполагающие постепенное и менее насильственное выдавливание религии из общественной сферы, приобрели значительное влияние в Западной Европе, и мы можем оценить некоторые результаты.

Их трудно признать воодушевляющими – население европейских стран все более замеща-

ется выходцами из других, несекуляризированных культур, целые районы европейских городов превращаются в территории, в культурном отношении более не принадлежащие к Европе, контроль правительства над которыми носит все более номинальный характер, а сами эти районы являются все более опасными для коренных жителей. Термин «no-go area» – территория, над которой власти утратили контроль и где они не состоянии добиться исполнения своих законов, обычно описывал положение дел во время войн, смут и беспорядков, но с некоторых пор его стали использовать для описания сложившейся устойчивой ситуации, например, в некоторых районах Великобритании.

В Российских городах пока рано говорить о формировании no-go areas, но это достаточно близкое и неизбежное будущее, учитывая катастрофическую демографическую ситуацию, в которой на низкую рождаемость накладывается очень высокая смертность, связанная, прежде всего, с алкоголизмом. Вопрос о том, есть ли будущее у России, остается неясным и тревожным. Люди, лишенные духовного измерения в своей жизни, и общества, лишенные общей памяти, общих ценностей и общих святынь, оказываются нежизнеспособны.

И секуляризм не в состоянии дать ни того, ни другого. Миссия же Церкви не менялась за эти две тысячи лет и состоит она – как состояла всегда – в спасении людей. Было время, когда у Церкви не было храмов, люди собирались в частных домах или катакомбах, но у Церкви было самое главное – люди, веровавшие во Христа и искавшие водительства Святого Духа. Как сказал Патриарх в том же выступлении: «Самое главное, мои дорогие, это ведь не стены – это живые люди».

Церковь – это люди, обращенные к Богу, готовые жить по Его заповедям. И выживание нашей страны и нашего народа зависит от таких людей.

Сергей Худиев

Собор – это самый эффективный инструмент гражданского общества в России

24 августа 2013 г. в Новосибирске состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с участниками учредительного собрания Новосибирского регионального отделения Всемирного русского народного собора. Участниками встречи стали представители региональных отделений и инициативных групп по созданию региональных отделений ВРНС из Владимирской, Вологодской, Тверской, Тульской, Курской, Кемеровской, Свердловской, Томской областей, Алтайского, Ставропольского и Хабаровского краёв.

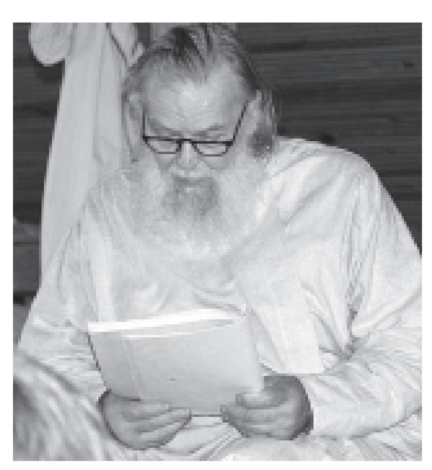
Его Святейшество, являющийся Главой Всемирного русского народного собора, выступил перед собравшимися, отметив важность того, что в Новосибирске – одном из крупнейших городов России – открылось отделение Всемирного русского народного собора.

«На сегодня Всемирный русский народный собор – это самый эффективный, самый значительный инструмент гражданского общества в России. И дай Бог, чтобы в регионах создавались отделения, чтобы эти отделения помогали, в том числе и власти, развивать диалог с народом, с обществом. Для властей очень важен Собор, потому что это место доброжелательного диалога с властью. Это ведь не оппозиционное собрание. Где еще можно услышать идеи, мысли и, может быть, поделиться собственными мыслями и идеями с представителями элиты, в том числе интеллектуальной и культурной элит. Собор предлагает такие возможности». (Из слова на встрече с участниками учредительного собрания Новосибирского отделения ВРНС.)

Использованы материалы pravoslavie.ru

Будут соборяне – будет и соборность

Возможна ли на практике в Церкви XXI века соборность? Размышляет известный православный публицист Андрей Десницкий.

5 августа 2013 года был убит протоиерей Павел Адельгейм.

Отец Павел был из другого, редкого ныне теста. Из рода исповедников, героев и борцов за идею. Его мученическая кончина подтверждает, что жизнь его была целостна и искренна. Иногда он был не удобен церковному начальству, но всегда был верен Христу и Церкви. Просто он один из немногих, кто по жизни своей имел право на это стариковское бескомпромиссное «ворчание», в отличие от тех, кто сегодня поносит Церковь: когда расстреляли отца, когда посадили мать, когда в хрущевские гонения не побоялся поступить в семинарию, кода в брежневские 70-е сел в лагерь, когда вышел и снова служил...

Переход о. Павла Адельгейма в мир иной словно бы «обнулил» все споры и претензии, связанные с его собственным делом – уже пишут, что мы, дескать, готовы простить ему стариковское ворчание… и тем самым всё списать, сдать в архив, никогда более не возвращаться к этой теме. Но кажется мне, что именно сейчас уместно начать разговор не о персоналиях – о сути поставленных им вопросов. Одна из главных печалей отца Павла заключалась в том, что в церковном управлении возникла своя «вертикаль власти», подобная государственной, и что с рядовым клириком и его приходом могут в любой момент поступить как угодно, уже в полном соответствии с новым приходским уставом. И даже если клирику удастся оправдаться в церковном суде, добиться отмены пристрастного решения (что само по себе очень трудно), он всё равно останется в той же епархии, и на одно отмененное решение последуют десять новых. Плетью обуха не перешибешь.

Трудно не согласиться: это действительно так, и это плохо. Дело не только в личных трагедиях, хотя их одних уже было бы достаточно. Но, помимо прочего, так в церковных структурах сами собой выращиваются безынициативность, приспособленчество и лесть: главное, угодить начальству, а там хоть трава не расти.

К этому можно добавить рост административно-командного отношения к прихожанам и рядовым батюшкам, не говоря уже о свободе высказывать настоятелю или архиерею свое личное мнение, а тем более, настаивать на нем. Взгляд на Церковь как на бюрократическо-армейскую структуру абсолютно неприемлем. Но, к великому сожалению, именно такое отношение превалирует все ярче (курсив ред.).

В результате многие молодые ребята, которые могли бы стать хорошими пастырями, предпочитают пойти другим путем. И еще так утрачивается адекватная обратная связь, что показали нам пресловутые «информационные войны»: выход в публичное пространство, где каждый шаг на виду и нет иммунитета от критики, зачастую крайне резкой и несправедливой, оказался шоком для кого-то из тех, кто привык слышать лишь официально-восторженные речи.

Что-то здесь всерьез не так… Столько у нас, казалось бы, мудрых и честных епископов, священников с диаконами и простых прихожан – неужели не сможем жить иначе, соборно? По щучьему велению, по моему хотению, изменись, реальность! А вот не хочет меняться.

Только мы ведь всё это уже проходили, когда вводили в государстве нашем демократию по указу президента-самодержца. Очень скоро правильные демократы расстреляли из танков неправильных, и зажили мы, как и прежде, при батюшке-царе, хоть и называлось всё как-то иначе. И до сих пор так живем. Оказывается, демократию невозможно навязать народу, который к ней не готов, не видит в ней особой ценности и не имеет навыков самоуправления (а откуда их было взять в советский период?).

Соборность устроена еще сложнее, чем демократия, да и вряд ли она где-то встречается в чистом виде. Скорее, это принцип, идеал, к которому можно стремиться путем проб и ошибок. Об этом идеале говорил Собор

1917–1918 годов, но как раз в те дни, когда обсуждали и голосовали соборяне за новый устав, по всей стране начинался колоссальный эксперимент по строительству атеистического государства. И те самые православные граждане России, которые должны были по этому уставу жить, как-то не очень в массе своей возражали, не закрывали грудью новомучеников, не выгоняли из храмов осквернителей – а некоторые так даже сами участвовали в гонениях.

Вот и встает закономерный вопрос: а были ли те решения жизнеспособны не в тридевятом идеальном царстве, тридесятом православном государстве, а в России начала XX века, где формально православные, по словам одного красноармейца, «Евангелие не читали, а только крышку его целовали»? Не уверен, хотя сами решения очень мне нравятся. И не уверен, что они исполнимы в современной России, где, согласно всем статистическим опросам, среди формально православных в церкви регулярно бывает и Евангелие читает меньшинство, а многие так и вовсе в Бога не верят.

Мне не очень нравится нынешний устав, отдающий всю полноту власти епископу, не признающий за приходским собранием никакой самостоятельной роли. Но я за него проголосовал (в отличие от отца Павла) на том самом собрании, и все в нашем приходе проголосовали, без поправок и обсуждений – не только у нас, а по всей стране, за редчайшими, единичными исключениями. И вовсе не потому, что нас всех запугали, подкупили, или же мы были невнимательны. Я, по крайней мере, понимал: этот устав вполне отражает реальность жизни 99,99% наших приходов, и другую реальность я предложить не готов даже для собственного прихода, что уж говорить о стране.

Это ведь, на самом деле, удобно самим прихожанам, что от них ничегошеньки не зависит. Не надо ни за что отвечать, всегда можно сослаться на чью-то злую волю или неудачные обстоятельства, а разгонят наш замечательный приход, ушлют батюшку, куда Макар телят не гонял – что ж, поплачем, повозмущаемся, подпишем петицию, а там кто за ним поедет, кто себе другого найдет. И останемся пассивными потребителями, вечными жертвами обстоятельств.

Духовные чада обычно не спешат взрослеть, они хотят подольше остаться в этом чудесном детском возрасте, когда решения принимает кто-то большой, мудрый и сильный. И это так понятно в нашей стране с ее традицией повальной безотцовщины…

Насколько эта система подходит самим клирикам, пусть скажут они сами. Но, несомненно, большинство она устраивает: не без минусов, но как-то привыкли, притерпелись… С другой стороны, уж на приходе-то отец настоятель обычно у нас обладает всей полнотой власти. А если будет как за рубежом, с сильными приходскими советами, которые и батюшке диктуют, как себя вести – это посложнее, чем с епархиальной канцелярией договориться. Канцелярия далеко, и смотрит в основном на формальные показатели, а тут «от людей на деревне не скроешься».

Да и то сказать, проведем мысленный эксперимент. Представим себе, что основные вопросы церковной жизни решаются на каждом приходе общим голосованием всех проживающих на его территории православных (именно так и определялся состав прихода по уставу 1917–1918 годов). И таким же голосованием избираются делегаты на поместный собор… Думаю, всё закончится примерно так же, как и с введенной по указу демократией, но только еще и церковь по дороге развалим на сотни клубов по интересам.

Что же делать: оставить всё, как есть, и не трогать? Но только тогда уж оставить действительно ВСЁ, как есть, и в первую очередь – дать свободно дышать и развиваться тем 0,01% приходов, в которых действительно сложились общины. Это – самая главная зона роста, это территория нашего будущего. Да, это еще и зона риска, эксперимент с непредсказуемым результатом, но живое и отличается от мертвого, прежде всего, своей непредсказуемостью.

К сожалению, именно по таким островкам и бьет прежде всего административная вертикаль, иной раз еще до того, как община успела сложиться (не буду приводить примеры, но при желании их совсем нетрудно найти). Для управленческой вертикали проще, когда всё однообразно и предсказуемо… Но для Церкви в целом такой настрой катастрофичен, особенно если помнить, что наша Церковь существует не в вакууме и не в воображаемом граде Китеже, а в современном информационном обществе, где соревнуются тысячи идеологий, предлагая новые ответы на вызовы меняющегося мира. Миссия, собственно, и заключается в том, чтобы рассказать людям, какие ответы есть у нас, а не в том, чтобы убедить их, какие мы могучие и монолитные. Это мало кого впечатляет сегодня. И, конечно же, остается по-прежнему актуальной задача «просвещать уже крещеную Русь» – словом, а главное, делом являть людям полноту православия (которая намного шире и богаче нынешней, да и любой другой сложившейся практики), давать им опыт не «требопотребления», а сознательной жизни во Христе. И этот опыт вовсе не должен ограничиваться рамками приходов, особенно в наш век сетевых технологий.

Будут соборяне – будет и соборность.

pravmir.ru

В проповеди Христа - нравственная сила Церкви

3 августа 2013 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Вести-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал филолог, историк русской философии и литературы, специалист по Серебряному веку русской культуры Николай Всеволодович Котрелев.

Н.В. Котрелев: Как мне кажется, сейчас мы переживаем очередной пик враждебности значительной части общества (и главное, руководящих частей его) к Церкви. Это момент не только российского сегодняшнего существования, но и, безусловно, существования европейской цивилизации. В этой ситуации что должна была бы благословить и, думаю, инициировать Церковь? Не следует ли говорить о выстраивании специальной христианской, церковной культуры в масс-медийном пространстве? То есть, например, выпускать не газету «Радонеж» или интеллектуальный журнал «Фома», а газету, как это называется в Европе, национального формата (по сегодняшним меркам как «Коммерсантъ», по вчерашним – «Правда»), то есть газету, которая живет так же, как и остальные, но при этом опирается на Церковь, церковное Предание, верна Писанию. То же самое и на телевидении: должен быть полноценный церковный канал, обнимающий все пространство страны. Не кажется ли Вам, что пора?

Митрополит Иларион: Хотел бы прежде всего сказать, что я не склонен драматизировать ситуацию. Не соглашусь с Вами в том, что мы переживаем пик вражды общества, его элиты, интеллигенции по отношению к Церкви. Все-таки думаю (я это знаю и ощущаю по себе), что в целом наш народ и наше общество относится к Церкви абсолютно позитивно. Есть некая пена – наносной элемент, который связан с позицией отдельных конкретных людей и, может быть, каких-то политических или интеллектуальных сил, недовольных тем, что Церковь сегодня занимает очень прочное, значимое и заметное место в нашем обществе. Хотя я совершенно с Вами согласен в том, что она должна занимать гораздо более видимое и более значимое место.

Теперь в отношении медийной политики. Конечно, Церковь сегодня активно присутствует в медийном пространстве, у нас есть свои телеканалы – их не один, а уже несколько: «Спас», «Союз», «Глас» и «Радость моя». У них разные сетки вещания, различные зрительские аудитории. Другое дело, что, если говорить о государственных и центральных телеканалах, то здесь, на мой взгляд, присутствие Церкви еще очень недостаточно. Посмотрите сетку телепрограмм: много ли из них тех, которые либо создаются от имени Церкви, либо говорят о Церкви? Их очень мало. В лучшем случае – одна программа в неделю на телеканал.

Конечно, это не соответствует той роли, которую Церковь сегодня играет в нашем обществе. Причем я сейчас говорю расширительно, имея в виду не только Православную Церковь, но и другие традиционные конфессии, которые тоже каким-либо образом присутствуют в информационном пространстве, и тоже, как я думаю, недостаточно.

Н.В. Котрелев: Я очень рад и, сознаюсь, завидую Вашему оптимизму… Я прекрасно помню времена, когда бабушка рассказывала своей приятельнице: «Знаешь, мы сегодня были за всенощной, было столько молодых – человек пять». Помню, как в храме вдруг увидел своих университетских знакомцев, приятелей, и не только университетских. Помню, как старушки стонали от натиска молодых, который не оставлял возможности ни встать свободно, ни сесть, – получалось стоять только плечо к плечу, спина к груди. К сожалению, очень многие из тех, кто пришел в Церковь в 1960–1970-е годы, испытания Церковью не выдержали. Они ушли вплоть до открытого атеизма, при этом всегда агрессивного. Они пронесли с собой то состояние, в которое вошли, придя в Церковь, – уверенность в том, что они все знают лучше, и Церковь должна слушать их. Произошло отторжение оттого, что Церковь намного шире, чем

любой интеллигентский слой, и в этом смысле, безусловно, она подвергается критике несостоявшихся надежд. Причем эта критика, я знаю, наследуется: люди, не выдержавшие церковного испытания, воспитали из своих детей (при том, что многие из этих людей позиционируют себя как христиане) очень жестких и неразумных критиков Церкви. В этой ситуации, мне кажется, не все так оптимистично, как Ваше Высокопреосвященство говорит.

В связи с этим необходимо создание – сами миряне должны это осознавать, но и Церкви нужно их подталкивать в этом направлении – структур, в которых живет общество, в том числе центрального телеканала, чтобы на нем не ведовство проповедовалось, а слово Божие.

Митрополит Иларион: Во-первых, я опять-таки не соглашусь с Вами в оценке масштабов явления, о котором Вы говорите. Не могу сказать, что очень многие из тех, кто пришел в Церковь в 1960–1970-е годы, не выдержали испытания Церковью, отошли, встали на критические позиции… Я сам пришел в Церковь в конце 1970-х годов. Хоть мы с Вами принадлежим и к разным поколениям, но я в каком-то смысле уже ветеран церковной службы, помню и конец 1970-х, и начало 1980-х. И должен сказать, что, по крайней мере, из моего поколения я не знаю практически никого, кто бы, придя тогда в Церковь, потом от Церкви отошел, – все в ней остались. Причем они пережили разные моменты, разные настроения, и критический элемент иногда превалировал, а иногда уходил в сторону, но их личная привязанность к Церкви сохранялась.

Здесь, мне кажется, очень важно понимать, что Церковь – это многоуровневый организм, в котором каждый человек может найти свой собственный уровень. Я думаю, что самое главное в Церкви – не то, что на поверхности, а то, что в глубине. Можно, скажем, мирянину не соглашаться с теми или иными позициями тех или иных церковных деятелей, но при этом горячо любить Церковь, быть глубоко воцерковленным человеком и вести подлинно христианскую жизнь. Мне кажется, очень важно отделять эти разные уровни один от другого.

Для чего существует Церковь? Для того, чтобы спасать людей. Спасать от греха, от дьявола, от всего, что в нашей жизни ассоциируется со злом, пороком и что, как мы говорим, ведет к гибели души человеческой. И Церковь это делает многообразными способами. Тот человек, который захочет пойти по пути спасения, обязательно найдет в Церкви свою нишу, причем не только чтобы быть пассивным верующим, но и чтобы активно участвовать в церковной жизни. Церковь – это целый огромный организм, который включает в себя людей разных взглядов, разных мировоззрений, в том числе людей, которые способны к конструктивной критике Церкви.

Не случайно мы создали такой механизм, как Межсоборное присутствие, которое готовит решения Архиерейских Соборов. В его работе участвуют миряне, люди критически настроенные, которые помогают нам, священнослужителям, взглянуть на себя со стороны. Конструктивная критика очень помогает. Неконструктивная критика, демагогия и клевета на Церковь помочь не могут.

Н.В. Котрелев: Разумеется, сложность самого церковного народа изоморфна сложной структуре самого общества в целом, поэтому там должны разворачиваться те инструменты общения в обществе, которые существуют и сейчас, но только со знаком если не безразличия, то псевдобезразличия, потому что давление на Церковь, на церковное стадо осуществляет сам образ жизни, насаждение которого ведется с телевизионного экрана по государственным каналам. Это давление может быть гораздо сильнее, чем собственно давление политическое, потому что оно прививает человеку, в том числе на подсознательном уровне, те способы устроения жизни, которые для Церкви неприемлемы. Поэтому ответ и должен быть в том же формате.

Митрополит Иларион: Мне кажется, что посыл очень многих телевизионных программ, статей в СМИ, а также рекламы, которая занимает очень важный сегмент телевизионного времени, адресован человеку потребительского общества. Таким образом, сознательно воспитывается потребительское отношение к жизни. Жизнь воспринимается как некий рынок товаров и услуг, на котором каждый человек может воспользоваться тем, что он пожелает, начиная от рекламируемых шампуней, гелей, косметики и иной всякого рода продукции. А заканчивается это тем, что людей приучают жизнь воспринимать исключительно из потребительской перспективы.

Идеалы, которые присутствовали в русской литературе, в том числе в литературе Серебряного века, которая, как я знаю, Вам близка, – идеалы жертвенности, самоотдачи – сейчас совершенно уходят из человеческого языка и вообще из понятийного аппарата, и это самым радикальным образом влияет на человеческую жизнь.

Если говорить о семье, то мало кто сейчас думает о создании семьи как способе пожертвовать собой ради других. Как правило, мужчина и женщина сходятся для того, чтобы жить вместе, вместе продвигать свои интересы, частные или общие, и все это, к сожалению, имеет одной из причин влияние идеологии, которая волей или неволей усваивается человеком через СМИ, а также через систему образования.

Думаю, что здесь у Церкви большая роль. Конечно, недостаточно наших церковных телеканалов и православных СМИ – должен быть очень ясный и четкий посыл, который исходит от Церкви и передается через средства массовой информации. Мы с вами сейчас пользуемся этой возможностью, поэтому мне лично не на что пожаловаться: мне предоставляется телевизионный эфир на нашем государственном канале, и мы с Вами можем говорить о том, что у нас наболело, что нам интересно. И я знаю, что зрители откликаются на эту беседу. Но, думаю, мы могли бы делать гораздо больше для того, чтобы люди знали о реальной церковной жизни, о ее позитивном вкладе в общественную жизнь, а не только о той пене, которая время от времени выбрасывается в масс-медиа и сознательно или бессознательно образ Церкви принижает, очерняет и в итоге отталкивает людей от Церкви.

Н.В. Котрелев: Простой аргумент: Церковь оказывается одним из ньюсмейкеров, уравненным в правах, ценностях с тем, что «знаменитая актриса вчера перепила», «знаменитый актер ушел к новой даме», «очередного мэра посадили за взяточничество» и так далее, то есть этот мир – гомогенный, однородный, не выстроенный в качественном смысле, тем более в смысле моральном, – разрушает человеческое общество. Поэтому мне, который этим не занимается, приходит в голову, что в пастырское богословие должно сегодня входить не только душеводительство, собственно, уже церковного стада, но и проблемы масс-медиа, о чем Вы сейчас так хорошо говорили, в том числе рекламы – этой жизни во лжи. Ведь большая часть, примерно 99 процентов, рекламного текста – это чистой воды ложь, которую сознают и те, кто ее делает, и те, кто ее заказывает. Реклама вся построена на преувеличении, на введении чисто обманных стратегий и так далее.

То есть перед церковным народом и Священноначалием стоит проблема критики этой цивилизации, которая, несомненно, нецерковна.

Митрополит Иларион: Мы критикуем эту цивилизацию, но не можем строить свою пастырскую работу и проповедь исключительно на критике. Здесь мы, конечно, должны брать пример с Иисуса Христа, Который критиковал отдельные сегменты современного Ему общества, очень резко и жестко критиковал, например, фарисеев, которые извращали религиозные истины и как бы подменяли внутреннюю глубокую веру в Бога внешним благочестием.

В проповеди Церкви, конечно, присутствует критический элемент, но я думаю, что, прежде всего, мы должны нести людям добро и свет, нести людям Христа. К сожалению, сегодня проповедь о Христе не очень часто слышна в публичном пространстве. В основном мы говорим о Христе на проповедях в храмах для достаточно узкого круга уже воцерковленных христиан. Огромное количество людей, в том числе в нашей стране, которые себя считают православными и принадлежат к Православной Церкви, но не воцерковлены, если не придут в храм на службу, то о Христе мало что услышат через СМИ, через литературу.

Я думаю, что одним из путей возвращения Церкви к всенародному общественному признанию, которым она должна пользоваться, должно стать усиление проповеди о том, что является сущностью жизни Церкви, а именно о Христе, о Его личности, Его учении. В этом наша сила, это тот самый привлекательный образ, который мы можем дать людям, причем это не нечто абстрактное, но конкретный образ Человека, Который жил на земле, Который дал нам пример того, как мы должны жить – Человека, Который был Самим воплотившимся Богом.

Именно в этом, в проповеди Христа и его учения, заключается и всегда будет заключаться сила Церкви. Я уверен, что именно это поможет нам преодолеть все кризисы, в том числе и кризис во взаимоотношениях между Церковью и обществом.

Источник: сайт ОВЦС

Вопрос - ответ

Зачем молиться по молитвослову, если у каждого свои мысли и просьбы к Богу? Получается, что я как будто не сам молюсь, а читаю, как кто-то когда-то общался с Господом.

Обратите внимание: эти «кто-то» и «когда-то» – замечательные святые, которых мы знаем, потому что они были праведны перед Богом. Каждый автор молитвы в нашем карманном молитвослове – это камертон духовной жизни для многих-многих других людей. С помощью этого камертона хору – всем нам, братьям и сестрам во Христе, – задается верный тон. И нам становится легче молиться Богу. Конечно, если ты читаешь молитвы по молитвослову, это не значит, что ты не должен молиться своими словами. Молись обязательно! Но как молиться – лучше и проще всего научиться именно через молитвослов.

Если вернуться к сравнению с музыкой, наши души – музыкальные инструменты – часто разлажены, и чистого звука добиться на них непросто. И вот, чтобы наша молитва не была какофонией, мы обращаемся за помощью к святым, которые сложили молитвы в прошлые века и годы.

Бог не посылает нам болезни

Есть ли смысл молиться о выздоровлении? Почему мы просим здоровья, если болезни нам посылает Бог? Отвечает священник Сергий Круглов.

– Мы в своих молитвах просим здоровья, но ведь Господь знает, зачем нам даются болезни. Ведь ничего не происходит без Его воли…

– Вы хотите сказать, что болезни посылаются человеку Богом для чего-то полезного? Более антихристианского представления нельзя и придумать! Бог – Отец, а мы – дети. Можно ли представить, что человек, имеющий детей, будет специально посылать на них страдания, болезни? И это касается простого грешного человека, а уж тем более Бог, Который любит нас до того, что ради нас пошел на крест.

Дело совсем не в этом. Мир устроен очень серьезно, и жизнь очень серьезная вещь, и она отдана людям. Мир отдан людям. Вот построена детская комната, и в нее поселили детей, сказав: «Вы здесь будете жить и сами хозяйничать!» Причем это делается не понарошку – Бог ничего не делает понарошку – это делается всерьез. Человек ответственен за мир, в котором он живет, и за жизнь, которой он живет. И когда в результате грехопадения в жизнь вошла смерть и получила в ней какие-то свои права, все стало постепенно разрушаться, появились злоба, ненависть, самые разнообразные греховные страсти, человек стал стареть, уставать, тосковать, скучать, умирать, то есть все то, что мы в общем называем смертью.

Смерть разлита везде в этом мире. Она размешана как противный сахарин в чае – везде! Она сопровождает любого человека – маленького, взрослого, старика. Мир стал достаточно страшным местом. Когда ребенок рождается, он кричит, он, наверное, чувствует, что попал в какое-то очень страшное, тяжелое место, которое полно опасностей. Жизнь ведь не щадит никого! Это колесо, которое едет и перемалывает человека, его кости…

И самое замечательное, самое прекрасное, самое великое, что Бог настолько нас любит, жалеет, Он не может выносить, видя страдания человека. Он, конечно, понимает, что все по воле человека, по вине человека происходит. Он прекрасно понимает, что ребенок обварился кипятком, не послушав маму, сам полез за чайником. Но когда у ребенка ожогов две трети тела, мама же не будет его ругать, что он не слушался, она готова отдать свою кожу, чтобы он перестал мучиться. Она готова пожертвовать собой, чтобы ему перестало быть больно. Так ведь?

Такая логика у Бога. Он Сам пришел в мир, Он стал человеком. Естественно, колесо жизни перемололо и Его, Он попал на крест, Он умер. Но Он – Бог, Он не смог умереть, Он воскрес. И это великий прорыв в оккупации смерти. Я нашел замечательную фразу в недрах Фейсбука: «Сэр, нас окружили! – Отлично! Теперь мы можем атаковать в любом направлении!» Это логика воскресения! Это логика христианства! Появился прорыв, прорыв победить смерть. Прорыв победить зло.

Но Бог не просто это сделал и почил. Нет! Он продолжает участвовать, потому что спасение человека от смерти – это наивысший вид творчества. Переделать человека, преобразить. Происхо-

дит синергия – мы вместе с Богом это совершаем. И Бог продолжаем во все этом участвовать, Он подставляет руки, Он постоянно нас спасает. Может быть, мы иногда этого не понимаем, не видим, а когда и видим, то забываем. А Он снова и снова идет на крест, снова и снова подставляет Свои руки, оберегая нас от всякого зла.

Бог не посылает нам болезни, болезни посылает нам жизнь, пронизанный злом мир. А Бог делает так, подставляя руки, что эти болезни, во-первых, могут быть исцелены, а во-вторых, они могут какую-то пользу принести.

Логика самой смерти совершенно непонятна. Для нее болезнь предназначена для уничтожения. А Бог делает так, что от болезни польза бывает. Человек, переживший тяжкое страдание, болезнь, укрепляется духом, он может потом помогать тем, кто тоже страдает. Вот что происходит! Сказать, что Бог нам посылает болезни как какое-то благо – неправильно! Бог нам посылает только добро. Бессмысленное выражение – «зачем болезни». Болезнь – ПОТОМУ ЧТО. Он знает, почему болезнь. Она происходит от зла, от грехопадения, от того, сего. Как всякое зло, она бессмысленна. Смысл имеет только то, что Господь сотворил. А зло, болезнь, грех не имеют смысла. Что такое грех? Взяли хорошую вещь, испортили. Ведь под любым грехом растет хорошая вещь: вино испортили – получилось пьянство; любовь между мужчиной и женщиной превратился в блуд.

Человек предназначен быть здоровым. Это дал Бог – жить вечно. А болезнь смысла не имеет, она должна быть исцелена. Именно поэтому Церковь празднует память святого великомученика и целителя Пантелеимона и очень многих других врачей. Несмотря на некоторые мракобесные представления, которые иногда бытуют на приходах, что, мол, лечиться – это грех, надо только одной святой водой лечиться, Бог создал врачей и прославляет врачей в лике святых именно за их врачебное дело. Это Косма и Дамиан – святые врачи-бессребреники, святитель Лука Войно-Ясенецкий и многие другие.

– А молитва может исцелить?

– Тоже замечательное выражение! Как сама по себе молитва может исцелить? Хотя многие считают, что молитва – это такое заклинание, волшебная фраза, которая сама по себе исцеляет. Это не так.

Слову дана великая сила. Есть целые врачебные области, где словом пользуются как лекарством, как методом лечения. А молитва – это разговор человека и Бога. Это не просто разговор, болтовня… Это взывание, просьба, благодарность, это когда собираются все силы, как из последних сил юноша кричит девушке о любви, или она ему кричит – его забирают в армию, он едет на поезде, высунулся в окно, а девушка ему кричит, – это молитва, потому что там собрано все человеческое существо! Или благодарность. Или просьба – помоги, спаси!

Молитва – это диалог. На свое звание надо услышать ответ. Разумеется, если человек с полнотой своей веры, с полнотой своего существа вот так кричит, взывает, конечно, он не останется неуслышанным. В этом смысле молитва спасительна.

– Но кто-то исцеляется, кто-то нет. У него не такая горячая молитва?

– Дело не в этом. Это такой у нас поверхностный признак: если ты такой умный, то почему такой бедный.

Мы видим одну-две-три, иногда пятнадцать сторон жизни человека. Умный человек видит шестнадцать сторон. А их – тысяча сто шестнадцать! Человек – огромная система, которая связана со всем на свете. Поэтому два человека, болеющие одной болезнью и имеющие примерно один уровень воцерковленности, имеют совершенно разные жизни, потому во всем остальном они совершенно разные. Один исцеляется, другой нет, не потому, что один горячо молится, а другой нет, а есть еще много других причин, иногда очень серьезных причин.

Например, одна из причин – хочет ли человек выздороветь или нет? Очень многие болезни, если копать человека поглубже и все вытаскивать из него за ушко, да на солнышко, происходят от того, что человек желает болеть и исцеления не хочет. Для него болезнь – способ спрятаться от мира. Часто так бывает – на человека навалились какие-то тяжелые, невыносимые обстоятельства – бах! он свалился и заболел! Человек захотел снять с себя ответственность: «Все! Я заболел!» Ему носят чай с малиной, лекарства. Простой пример, когда от перенапряжения человек прячется в болезнь. Многие психические болезни – способ спрятаться от жизни.

Иногда бывает, что человек не хочет исцеляться. Чтобы быть здоровым, ведь надо вести определенный образ жизни, а у человека есть более важная цель, чем быть здоровым. Скажем, алкоголик понимает, что разрушает себя, но говорит: «Какую-нибудь таблетку дайте, чтобы я был здоров, но пить я не брошу!»

И еще слабость молитвы может означать, что человек понимает молитву как некое заклинание, волшебную таблетку. Не как разговор с Богом. Сам Бог ему не нужен, а нужно конкретное сиюминутное здоровье. Примеров много, когда люди ездят по святым местам, и тут же ездят к разным бабкам, знахаркам, экстрасенсам, читают любые молитвы и заклинания вперемешку, по-

тому что считают, что правильно произнесенные слова в правильном порядке сами собой что-то произведут. А сколько псевдонаучных трактатов о пользе молитвы на то, на се, на поросят, на гусят…

– Может, еще страшно молиться и потому, что в конце надо добавить: Пусть будет не так, как я хочу, но как Ты…

– Да. Но на самом деле это не так страшно, потому что Господь ничего плохого нам не желает. Никогда! Он нам хочет только добра. Он никогда не желает, чтобы человек страдал.

Но другое дело, мы ведем себя по-детски! Господь говорит: «Чтобы ты был здоров, надо немножко потерпеть и принять лекарство». «Нет, – канючим мы, – пусть я лучше умру, но укол делать не дам!»

«Да будет воля Твоя!» Воля Божия всегда благая.

Тут может быть другой момент. Нам тяжело сказать «Да будет воля Твоя!», потому что знаем, что от нас что-то потребуется. «Да, Моя воля, чтобы ты был здоров. Давай, соблюдай режим, диету, бросай вредные привычки» «А-а-а, я это не хочу! Я хочу на елку залезть и ничего себе не исцарапать! Я хочу…»

– Чуда!

– Да. Как в старой прибаутке: «Ну ладно! Пить я буду, но курить не брошу!»

Слова «Да будет воля Твоя!» очень трудно произносить. Их легко произносить тому, кто молится поверхностно. А человек, который понимает, что говорит, тому трудно. У кого больше веры, тому всегда труднее.

– А молитва матери со дна моря достанет – это…

– Это проявление любви. Любовь – это основа жизни, на ней держится мир. Любовь всегда спасает. Молитва матери – это проявление любви.

Мать в этом случае идет по стопам Христа. Христос готов идти на крест, на смерть, Он все отдает – тело, кровь Свою, все! Мы не просто пользуется плодами того, что Он сделал, мы Им Самим пользуемся. Мы едим Его на каждой литургии. Он все нам отдал!

Так мать себя отдает. Только у земной женщины возможности ограниченны, у Бога больше возможностей. Но она повторяет в своем порыве, в любви, в молитве тот же подвиг, она идет по стопам Христа.

Беседовала Тамара Амелина
pravmir.ru

Святые отцы о последних временах

«Пусть вас не тревожит, дорогие братья, что у кого-то в последние времена пошатнется вера, исчезнет страх Божий, нет мира и единодушия. Господь возвестил, что так и будет перед концом мира. И апостолы засвидетельствовали, что накануне общей гибели и антихристова пришествия все доброе ослабевает, а злое и вражеское войдет в силу.

И все же, хотя и в последние времена, но в Церкви Божией Евангельское учение не будет настолько забыто, христианское мужество и вера настолько не ослабеют, чтобы не осталось хоть какого-то числа епископов, которых не сокрушит ни упадок добра, ни гибель веры; сильные и стойкие, исполненные страха Божия, будут они поддерживать и благоговение перед величием Божиим и достоинство епископского сана. Будем крепко держать в памяти, что, когда другие подчинились и пали духом, Маттафия мужественно защищал закон Господень; когда евреи растерялись и стали отходить от веры в Бога, Илия устоял в своей величавой борьбе; Даниила не испугало ни одиночество в чужой стороне, ни упорное гонение, и он неоднократно, мужественно и славно, засвидетельствовал свою веру; трех отроков не сломали угрозы, огням Вавилона противопоставили они свою веру и, пленники, победили царя-победителя. Пусть теперь есть и двурушники и предатели, которые, находясь в Церкви, поднимаются на Церковь и расшатывают веру и правду; большинство хранят ум здравый, религию чистую и душу, преданную только Господу Богу своему. Чужое вероломство не разрушает их христианской веры, а скорее оживляет ее и устремляет к небесной славе, согласно словам блаженного Апостола, который убеждает и говорит: «Что же? Если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию? Никак. Бог верен, а всякий человек лжив» (Рим. 3, 3–4). Если же всякий человек лжив и правда только у Бога, то что же должны делать рабы Божии и особенно епископы? – Оставив человеческую ложь и заблуждения, хранить заветы Господни и пребывать в правде Божией».

Свт. Киприан Карфагенский
(Письмо христианам Легиона и Астурики о падших епископах)

Любить, ничего не требуя

Сегодня «любовь» – исключительно популярное слово. Мы видим, что во имя любви совершаются даже преступления и другие нездоровые поступки, которые оправдываются тем, что они, дескать, делаются из любви.

Очень часто любовь проявляется как сильнейшая энергия нашего эгоизма. Поэтому нередко мы наблюдаем следующее явление: человек, который думает, что любит другого, по сути ненавидит его, не оставляет ему никакой свободы, не дает ему совершенствоваться в его независимости, индивидуальности, а хочет покорить его, перечеркнуть его индивидуальность ради своей мнимой «большой любви».

Самое трагичное здесь то, что мы не понимаем: эта так называемая любовь вовсе не настоящая любовь, а энергия нашего нездорового эгоизма. Поэтому отцы в качестве предпосылки для настоящей любви указывают на смирение, и это означает, что человек ничего не хочет для себя, он ничего не ищет для себя, а единственно для другого. Потому что любовь Христова, Любовь – это счастье, которое не сравнимо ни с чем на свете.

Она такое состояние, она так богата, велика, бесценна, что нет ничего на свете, с чем можно было бы ее сравнить, сказать, что эта любовь похожа вот на то. Отцы иногда говорят о Христовой любви в самых дерзновенных словах и самых смелых образах, но даже они недостаточно сильны, чтобы передать реальность Христовой любви.

Однако это только один аспект любви – любовь как счастье, как совершенствование нашей личности. Она есть совершенство, поскольку Бог, наш Первообраз, есть истинная Любовь. Бог есть любовь. Но у любви есть еще и другой аспект – мученичество. Мученичество любви выше всякого другого мученического подвига. Христово мученичество – в Его великой и совершенной любви к людям.

Когда Он, молясь в Гефсиманском саду, сказал: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф. 26: 39), – Он имел в виду не то, чтобы Ему не умереть и не быть распятым на Кресте за нас, ведь Он для этого и пришел в мир. Он пришел в мир, полностью сознавая, что идет для того, чтобы умереть за человека. Суть чаши, содержания этой чаши, о которой Господь молился, да минует она Его, – в том, что мы, те, кого Христос возлюбил до конца, возлюбил абсолютно, Божественно, мы, возлюбленные Божии, распнем Его.

Как мать, чье дитя идет, чтобы убить ее. Если бы ее зарезал враг, ее страдание было бы меньшим, чем когда ее убивает ее собственное дитя, которое она так любит и ради которого жертвует собой. Если ей скажет хульное слово какой-нибудь чужой человек, она перенесет это, но если ее дитя скажет ей то же самое, это причинит ей неимоверно большее страдание. Представьте себе, насколько сможете, какая это огромная боль, какое мучение для Бога – быть распятым нами, теми, кого Он безоговорочно любит!

В сущности, эта молитва Господа касалась не Его, а людей. Это о нас Он молился в тот час и за нас проливал кровавый пот, чтобы, если возможно, мы Его не распинали. Пусть это произойдет каким-нибудь другим образом, но только чтобы не мы – человечество, человек – совершили это зло.

Итак, мы с вами увидели мученическое измерение любви. Если мы вникнем в него, то каждый раз сможем исследовать нашу любовь в ее различных проявлениях, даже в наших естественных взаимоотношениях. Например, жена говорит: «Я люблю своего мужа, но с трудом выношу его».

Но разве это любовь?! Любовь означает: умереть самому, лишь бы жив был он. Любовь означает страдать за других.

Ты возразишь мне: «Отче, но кто может сделать так?» И всё же мы должны знать, что требовать любви – признак духовного бессилия, чтобы не сказать: духовной болезни. Будем хотя бы сознавать, что мы бессильные, больные люди, и поэтому нуждаемся в любви других. Как бы нам ни был неприятен такой диагноз, но он тоже порождение нашего эгоизма.

Святые не интересовались тем, любят ли их другие. Их интересовало то, любят ли они сами людей. Совершенство человеческой личности, наше совершенство как людей заключается в том, чтобы мы любили, а не были бы любимы другими. Потому что Сам Христос не сказал нам: «Когда вы будете любить других, они тоже будут вас любить»; Он не сказал нам, чтобы мы делали добро, за которое все будут любить нас и отблагодарят хорошими словами; Он не сказал нам, что если мы будем верить в Него, то все будут считать нас хорошими и хвалить. Одним словом, Он не сказал нам, что мы будем жить припеваючи как христиане. Напротив, Он сказал нам: «Если будете верить в Меня, вас неизбежно будут гнать».

Верить в Него значит любить людей, как Он их возлюбил. А они, несмотря на это, будут вас гнать, клеветать на вас, обижать, убивать, истреблять с лица земли. И всё это они будут делать, полагая, что тем самым приносят жертву Богу. Когда они

будут убивать вас, то в этот час будут думать, что такова Божия воля, что вы такие страшные злодеи, такие окаянные, что Божия воля такова, что вас нужно истребить из мира сего, – и во имя Божие они захотят вас уничтожить.

Христос сказал нам, что Он будет посылать нас, как овец среди волков. Один старец со Святой Горы Афон говорил:

– Что это такое? Он не послал нескольких волков среди множества овец – скажем, трех волков среди 500 овец. Ну сколько съедят эти три волка? Ну, съедят они 10, 15, 50 овец, а остальные останутся целы. Но если ты пошлешь пятерых овец посреди 500 волков, то от них не останется и косточки! И вопреки этому Христос сказал нам: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков» (Мф. 10: 16). Это не значит, что братия, окружающие нас, – волки! Нет! Просто наш путь на свете мученический, и, идя по нему, человек совершенствуется.

Иными словами, христианин не может состояться другим способом. Если мы поймем это, мы, желающие слушать слово Божие и верить во Христа, тогда мы изменим способ, которым любим, и способ, которым требуем любви. Мы поймем, что мы должны любить, и не надо ждать, чтобы нас любили. А когда почувствуем, что начинаем претендовать на то, чтобы другой любил нас, чтобы он служил нам, понимал нас, тогда будем знать, что это духовное заболевание, что мы очень больны, очень слабы.

Люди в прошлом не были такими душевнобольными, как мы сегодня. У них не было наших проблем. А что происходит сегодня?

– Он меня не понимает, он не соглашается с моим мнением, он не проявляет понимания!

И пошло-поехало: распадаются семьи, дома, страдают родители, дети, всё рушится. Почему? Потому что «он меня не понимает».

Ну хорошо, он тебя не понимает. А ты не можешь проявить терпение? Перенести это?

– Я его люблю, а он меня не любит!

Но если бы ты его действительно любила, ты бы терпела его.

Мы слабые, и даже любовь у нас слабая. Поэтому для нас очень полезно узнавать истинные движения любви – это, по меньшей мере, позволит нам дать правильный диагноз нашему душевному миру. Чтобы хотя бы тогда, когда совершаем ошибки, понимать это, а не считать, что поступаем правильно.

Входя в пространство Божией любви, святые вместе с тем вступают в великий мученический подвиг – подвиг любви ко всему миру. Часто мы смотрим на лики святых на иконах, слушаем рассказы из их жизни и говорим: «Как же у них всё хорошо и свято!» Читаем о святом апостоле Варнаве, святом Неофите и думаем, что вся их жизнь была такой хорошей, такой прекрасной близ Бога! Видим, как и к нам приходят люди и начинают ублажать нас:

– Отче, вы близки к Богу и молитесь день и ночь!

И думают, что наша жизнь – сказочное счастье оттого, что мы монахи… Или когда читают жития святых, или мы рассказываем им о их подвигах, например, о старце Паисии, то они думают, что жизнь этих святых людей была совершенным счастьем, радостью и покоем. Однако могу сказать вам, что эти люди или хотя бы те, кого я знаю, например, старец Паисий, были далеки от подобных представлений о счастье.

Старец Паисий жил с такой болью в душе, вел такую мученическую жизнь, что никто даже не осмелился бы подумать об этом. Это был подвиг мученичества, который этот человек нес повседневно, поскольку имел огромную любовь к людям. Мы не можем понять этого, пока сами не испытаем. События, которые проходят для нас незаметно, для святых очень серьезны и очень трагичны. Каждое слово, не имеющее для нас большой ценности, для святых имеет.

Поэтому Пресвятая Богородица как Человек страдала больше всех людей на свете. Никогда не будет человека, который испытал бы большую скорбь, чем Она. Почему? Ведь и другие матери видели, как умирают их дети у них на глазах. И другие матери пережили это мучение. Но не то чтобы смерть их ребенка не была трагичной – конечно, была. Но ни у одного человека нет чувствительности и благородства души Пресвятой Богородицы в

такой абсолютной и совершенной степени, чтобы испытать такую великую боль.

Поэтому мы видим, что как Господь, так и Пресвятая Богородица, а также святые были людьми, переносящими огромную боль. Боль эта обращается на пользу и получает ценность в духовной жизни. Поэтому когда наступает такой час, когда мы даем, но не получаем, жертвуем собой, а наша жертва не бывает понята, терзаемся, рвемся, а нас вопреки этому отталкивают, презирают, – это очень ценные моменты, дающиеся нам для нашего усовершенствования. Мы освящаемся в этой боли и в этом мученическом подвиге.

Объясняя тайну Креста как начертания, отцы говорят, что вертикаль Креста означает нашу любовь к Богу, а горизонталь – любовь к людям, ближнему. Эти две любви составляют крест. Он есть мученичество, и не просто мученичество, а смерть.

А если он смерть, то мертвец уже не может иметь никаких претензий. Не может ждать ничего, не должен ждать ничего. Поэтому в качестве предпосылки к любви отцы указывали на смирение. Смирение означает умерщвление своего эго, своих желаний, претензий, прав.

Разумеется, тут нужно напомнить, что существует огромная разница между этим умерщвлением и умерщвлением буддийским, индуистским умерщвлением. В восточных системах и философиях оно означает апатию, которая в сущности является бездействием, неподвижностью души к чему бы то ни было. «Умерщвление» же в Православной Церкви означает умерщвление греха, страсти и в то же время воскресение во Христе, оживотворение человека во Христе, обновление Божиего человека, со-образование нас с Христовой жизнью.

Бесстрастие в Православной Церкви означает отвержение страстей, а не бесчувственность. Оно означает отвержение греха, страстей; означает самую великую страсть – страсть любви.

Скажем несколько слов и о телесной любви, о которой человек думает, что когда мужчина влюбляется в женщину, то они должны иметь плотскую связь еще до благословения от Бога, то есть до таинства брака.

– А почему бы нам, если мы любим друг друга, не иметь такой связи? – говорят. – Мы не можем понять, почему же нет.

Потому что речь заходит об эгоизме.

Если их связь проистекает из настоящей, действительной любви, тогда каждый будет уважать другого, будет воспринимать его не только как плоть. Поэтому я и говорю иногда: ну хоть бы они, вступая в такие связи, чувствовали себя если не как-нибудь еще, то хотя бы сплоченными и счастливыми! Ну, для Церкви это грех. Но если бы семьи и люди чувствовали себя счастливыми, соединяясь между собой, – то хорошо.

Однако странно то, что когда люди соединяются телесно, они превращают плотское наслаждение в божество и науку; оно даже уже не наука, а выходит за рамки науки и становится божеством. Божеством в современном мире, и чем больше повторяются телесные контакты и люди свободно предаются им, тем больше они изолируются друг от друга и тем больше приближаются к деградации. Как объясняются эта деградация и отчуждение, все эти психологические комплексы и болезни в эпоху, которая не ставит никаких барьеров для свободных плотских связей между людьми? Поэтому эти связи не на пользу им, как часто думают люди.

Человек должен посмотреть вглубь вещей, понять, где тут разгул стихии и где признак любви. Это понимание начинается в тот момент, когда мы перестаем требовать чего-то от другого, а начинаем принимать его таким, какой он есть, уважать его, любить, совершенствоваться в отдаче ему того, что у нас есть.

Однако чтобы человек получил силу отдавать другому, не ожидая ничего, он должен вложить внутрь себя Божию благодать, Христа, Который первым умер за нас, не ожидая от нас ничего. Как говорит святой апостол Павел: «еще когда мы были во грехе, Христос умер за нас». Он умер за нас в тот самый момент, когда мы отреклись от Него и были до крайнего предела полны грехов. Если мы поймем это, особенно молодые семьи, то научимся быть счастливыми.

Зло и разделения начинаются в тот миг, когда мы начинаем хотеть от другого, чтобы он отплатил нам, когда мы начинаем претендовать, ожидать и хотеть воздаяния за свою любовь, за услуги, которые мы ему оказали. Тогда в нас проникает микроб разделения. Если другой человек кроток, смирен и снисходителен, то хорошо, всё налаживается. Но если неприметный микроб разделения проникнет и в него, тогда разверзаются огромные пропасти.

Получается так, что когда двое встречаются вроде бы для того, чтобы разобраться, выяснить свои различия, то вместо примирения они делают эту пропасть еще больше. Потому что вместо того, чтобы поправить себя, каждый начинает поправлять другого, предъявлять претензии к нему, и таким образом всё становится еще хуже, чем было прежде. Тогда как человек, который действительно любит, – смиренный, не смотрит на другого, а на себя, на свои ошибки, не требуя от другого взамен ничего.

Митрополит Лимассольский Афанасий (Николау)
Перевела с болгарского Станка Косова
dveri.bg, pravoslavie.ru

Бог хранит нас, а не мы Его

Беседа на фрагмент Послания святого апостола Иакова.

Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам; очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные (Иак. 4:8).

Кто такие двоедушные? Мы все двоедушные. Что означает «двоедушный»? Это тот, кто хочет одновременно двух противоположных вещей. Мы хотим Бога, но в то же время хотим другой жизни.

Вы возразите мне: «Мы не хотим другой жизни!» Хорошо, теоретически мы не хотим ее. На практике, однако, наши дела говорят о другом. Они показывают, что мы пленены.

Двоедушие – это грех, потому что двоедушный человек страдает духовной шизофренией и хочет одного, а делает другое. Одно дело – его мысли, а другое – поступки, и мы все такие. Сам святой апостол Павел говорит: «Несчастный я человек, потому что одно решаю, а другое делаю. Одного хочу, а другое творю». «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7:24). Кто избавит меня от этого несчастья, которое я ношу в себе? Решаю помолиться, хранить воздержание, поститься, уйму всего. Сколько хороших решений мы принимаем каждый день? Однако не исполняем их, бываем пленены, мы бредем, словно овцы на веревке, и нас уводят в другом направлении.

Сколько раз даже наше собственное «я» сопротивляется и говорит нам: «Что ты собираешься сделать? Не надо! Остановись!» Наше собственное «я» протестует, а мы, словно загипнотизированные и пьяные, идем туда и не можем понять, что происходит. Потому что мы пленены, потому что это пленение от сатаны. Мы не успеваем взять верх над собственным «я», и страсти овладевают нами, потому что диавол – диктатор, он страшный тиран, который не хочет нашей свободы, не хочет, чтобы у нас было свое лицо. Это и есть двоедушие – иметь словно две души, два мнения, два решения, два человека, быть двойственным человеком, который живет жизнью Церкви и одновременно совершает тысячу других дел, отрекающихся от нее.

Вспоминаю такие слова старца Паисия: «Жил некий человек, который ходил в церковь, молился, плакал, бил поклоны и весь был в умилении. Произвел на меня впечатление этот человек. Этот человек – или, скорее, эта категория людей, так как не он один такой, – в тот момент, когда он плачет, рыдает и молится, может выхватить против тебя нож, достаточно спровоцировать его чем-нибудь. Это ужасная шизофрения. О Петре Великом, который убивал людей и невесть что еще творил, говорится, что он каждый день присутствовал на святой Литургии».

Это двоедушие. Так нельзя. Это означает, что что-то идет не так. Как возможно это раздвоение – разве в тебе не оставила никакого следа эта Литургия, это Евангелие, жизнь в Церкви? Хорошо, ты скажешь мне: «А кто не такой?» К сожалению, все мы такие, и поэтому святой апостол Иаков говорит дальше:

«Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смех ваш да обратится в плач, и радость – в печаль.

Смиритесь пред Богом, и вознесет вас» (Иак. 4:9–10). Слова святого апостола суровы. Как противодействие всему этому терзанию человека, нашему «я», нашему двоедушию, апостол советует понести страдания, плакать и рыдать. Как христианин несет страдания? Какие страдания? Хорошо, пост – это такое страдание. Многие говорят: «А-а-а, мне всё время хочется есть во время поста!» Но мы ведь для того и постимся, чтобы испытывать голод, а не чтобы быть сытыми. Это и делает пост постом – мы чувствуем голод. Что, у меня трясутся ноги? Ничего, пусть трясутся. Я не говорю, что надо изнурить и угробить себя, но не нужно бояться такого страдания. Не правда ли, вот идешь на всенощное бдение, а ноги подкашиваются – но это-то и ценно.

Быть готовым умереть, как говорится, но стоять там. Духовные вещи не могут совершаться среди комфорта. Христианин должен быть подвижником, быть подвижником по духу, а быть подвижником означает претерпеть. Вы видели когда-нибудь спортсмена, который стал спортсменом, сидя в кресле? Это невозможно. Постоянно надо тренироваться, упражняться, изможлать себя. Так ты преуспеешь. Постоянно надо бодрствовать. Однажды некто сказал:

– Геронда, твои слова задели меня и заставили заплакать! Они сокрушили меня!

– Но я для того их и сказал! Чтобы задеть тебя, я и сказал это! Чтобы сокрушить тебя! Чтобы ты заплакал, я сказал это! Для чего другого я тебе это сказал? Чтобы ты засмеялся? Почему я оскорбил тебя перед другими? Зачем опозорил тебя? Нарочно! Я это сделал не в неведении! Нет! Нарочно я сделал это, чтобы сокрушить тебя. Чтобы пробить твой эгоизм. Чтобы ты заплакал. Конечно, чтобы заплакал. Почему бы тебе не поплакать? Что, так что ли: чтобы я говорил тебе, а ты не плакал? Нам надо трудиться в духовных подвигах: когда я пощусь, я делаю это, чтобы претерпеть лишение; когда бодрствую, я делаю это, чтобы претерпеть страдание; когда подаю милостыню, я делаю это, чтобы лишиться чего-то, я не подаю милостыню, не понимая, что я делаю. Когда я делаю что-то, я делаю это, чтобы изнурить себя, чтобы почувствовать это, ощутить.

Как это характеризует нас: что мы мазохисты, что нам нравится издеваться над собой? Нет! Но грех, к сожалению, отождествляется со сластолюбием. В грехе есть наслаждение, есть приятное чувство, не только греховное наслаждение, но с любой точки зрения – и душевное, эмоциональное, и вообще. Сердце склоняет нас к греху из-за своего сластолюбия, так как находит в нем удовольствие. Сначала в добродетели нет духовного наслаждения, есть боль, труд, злострадание, должно быть и трудолюбие. Противоположным сластолюбию является трудолюбие – это значит: любить труд и совершать дела, почувствовать усталость. Надо изнурить себя. «Я устал!» – говоришь ты. Но устать надо. Почему бы тебе не устать? Горько, если ты совершал духовные подвиги и не устал. Это что означает? Что это за подвиги тогда? Какой подвиг является подвигом, если он не утомляет тебя? Это не было бы подвигом.

Разумеется, в этом есть тайна – что трудолюбие ради Бога в духовной борьбе содержит много радости и настоящего духовного наслаждения, тогда как радость от греховного сластолюбия временна, а ее горечь и злые плоды постоянны.

Это факт, что вначале человек, желающий подвизаться духовно, должен предаться трудолюбию, он должен потрудиться, утомить себя, совершить и душевный, и телесный труд. Например, когда другой ругает меня, а я ему не отвечаю, разве это не труд? Неужели я внутри себя не превращаюсь в зверя и не хочу растерзать его? Однако я сдерживаю себя и не делаю этого. Это труд. А когда другой надоедлив, и мне хочется вышвырнуть его вон, но я сдерживаюсь, чтобы не обидеть его, чтобы не обойтись с ним дурно? Кто-нибудь приходит и хочет от меня чего-нибудь абсурдного, а я вопреки этому терплю его, слушаю – это утомляет меня, разумеется, но это ценно. Говорят, что в браке, в семье устаёшь! Но и она ценна – эта усталость, эта каждодневная смерть в семейном противостоянии – например, можно иметь полноценную семью, где и муж, и жена, и дети, – и, несмотря на это, быть одиноким, чувствовать, что тебя не понимают, не принимают – не потому, что плохо относятся, а потому, что каждый живет в своем собственном мире. Это большой труд, великая борьба, великое злострадание.

Вы знаете, что душевный труд тяжелее телесного? Подвизаться телесно, бодрствовать, уставать, поститься и так далее – это включает в себя радость, имеет, так сказать, непосредственный результат, а душевный труд – это нечто гораздо более трудное. Находиться в определенном месте и каждый день испытывать горечь, разочарование, отверженность, жить в одном доме с мужем, и чтобы он каждый день отвергал тебя, чтобы жена отвергала тебя, дети не принимали тебя, не считались с тобой, чтобы их не интересовало, есть ты или нет тебя, чтобы они не признавали ничего из того, что ты делаешь. Ну, это ли не аскеза? Это аскеза. Это намного труднее других вещей. Лучше пойти копать на поле целый день, чем чтобы другой отвергал тебя и ел тебя поедом своим языком. В тысячу раз предпочтительней разбивать камни, чем чтобы другой разбивал тебе сердце ссорами и изматывал нервы.

Следовательно, аскеза многосторонняя и охватывает всего человека. Аскеза для нас, живущих в основном в миру, состоит не столько в телесных делах – терзание наше не столько телесно, потому что мы не можем очень многого делать в миру. Ну хорошо, мы будем поститься, пойдем на всенощное бдение, помолимся вечером, пусть и устали. Хорошо. Но мы не можем сделать большего, чем это, – у нас недостанет силы. Но каждый день терпим… Что тут сказать человеку? Страшно, насколько может

устать человек. Знаете, бывают такие люди, которые могут утомить тебя, поговорить пять минут и разбить тебя, и тебе будет нужен целый день, чтобы прийти в себя. А другой будет говорить тебе целый день, но не утомит тебя. Не знаю, в человеке ли тут дело? Он скажет тебе всего пару слов, и ты разбит, тогда как святые люди тебя успокаивают.

Или вот еще ситуация: работа, наши коллеги или то окружение, в котором мы живем. Ты бы лучше ушел один в горы, чем быть с тяжелыми людьми. Да, это терзание – терпеть ради любви Христовой и оставаться там. Это действительно подвиг, терзание.

Что происходит, однако? Через это терзание, скорбь и плач рождается утешение Божие. Человек, который не страдает, не бывает утешен Богом. Это закон. Хочешь, чтобы Бог тебя утешил? Если ты находишь утешение в человеческих вещах, Бог тебя не утешит. Если ты находишь утешение во всем, что вокруг тебя, не жди утешения от Бога. Бог утешит людей, которые действительно пострадали, были обижены, презрены, отвержены.

Ты скажешь мне: «Хорошо, но если я не таков и всё у меня нормально, мне что делать?» Если у тебя всё в порядке и тебе не нужно прилагать усилий и трудов, надо совершать их по собственной воле. Если независимо от тебя жизнь складывается хорошо, изыскивай себе труды сам. Веди дополнительную борьбу. Да, потому что человек спасается или добровольными трудами, когда ты ущемишь свою волю постами, молитвами, всякими подвигами, как мы говорили сейчас, или трудами вынужденными.

Я не говорю, чтобы муж ругался каждый день – он и так делает это. Твое терзание – вынужденный труд, ты не хочешь его, не ты ему причиной, но он есть. Ну так обрати на пользу то, что есть, обрати его на пользу духовно, себе во благо. Или у тебя есть какая-то болезнь, какая-то проблема, причина которой не в тебе, она появилась сама. Это удобная возможность, это подвиг, который ты можешь подъять и обратить на пользу.

Следовательно, если у тебя есть вынужденные труды, тебе нужно их использовать. Бог тебя утешит. Если же у тебя нет вынужденных трудов и всё у тебя хорошо, тогда ты должен понести добровольные труды, наложить на себя духовную аскезу.

Вы помните, что сказал Бог богачу? «Чадо, вспомни, что ты уже насладился в жизни твоей. Когда ты был жив, всё было хорошо; чего ты хотел, всё у тебя было; ни в чем никогда ты не испытывал недостатка, никто никогда не сказал против тебя ничего. Ты уже насладился благами в жизни твоей. А сейчас уже нет ничего». Тогда как другой, Лазарь, пережил зло, поэтому он был утешен. И действительно, человек, который вкусил Божьего утешения, понимает, что оно не сравнимо с человеческим утешением. Ни с чем не сравнимо. Абсолютно ни с чем. Одна женщина была очень духовным человеком, у нее была действительно духовная жизнь, а не просто эмоции и фальшивые чувства. А муж ее действительно был тираном, злодеем. Вы не можете себе представить, какие муки он причинял ей. Долгие годы она сносила всё от него. Ругань, крики, хулу, что только ум ваш может себе представить. И хуже всего то, что дети поднялись против нее, и хотя она каждый день жертвовала собой ради них, каждый день она испивала горькую чашу неблагодарности, варварства. Дети ее стали плохими, но у них была святая мать.

Как бы там ни было, но однажды женщина эта дошла до предела своих сил и сказала:

– Боже, мне больше не выдержать!

Ее поразила очень тяжелая болезнь, а муж вообще не обращал на нее внимания. Что же было дальше? Так как она была духовным человеком, она имела такое утешение от Бога, что постоянно молилась в сердце, и Бог утешал ее исключительно много. Среди страшных мук и трудностей она чувствовала великое утешение от Бога. В случае с ней мы действительно говорим о мере святых, а не о чем-то обычном. Однако однажды она как человек – или по Божию попущению – сказала:

– Больше не могу! Я не выдерживаю! Боже, я не могу!

Муж унижал ее и телесно, и душевно: он не давал ей ходить в церковь, причаститься, был как демон. Дойдя до предела терпения, однажды ночью она так помолилась – а муж в тот день выгнал ее из комнаты за то, что она сказала ему, что хочет ходить в церковь:

– А, ты хочешь ходить в церковь? Тогда пошла вон!

Тогда она услышала глас Божий в себе: «Хорошо, Я отниму это искушение, чтобы у тебя был мир».

Со следующего дня муж ее постепенно начал добреть и через пятнадцать дней стал как ягненок. И что же вышло? Молитва у нее постепенно затихла, и она ее потеряла. Муж говорил ей:

– Ты хочешь ходить в церковь? Хорошо, ходи! Хочешь купить то-то и то-то, подать милостыню? Возьми и раздай!

Она говорила:

– Слава Богу! То, чего я ждала, пришло, хоть и через 25 лет!

Да, пришло, но она утратила Божье утешение. Бог не утешал ее, как раньше. Она лишилась молитвы, теплоты, которая у нее раньше была, не стало пламени, которое у нее было. «Ой, что же это происходит!» – и ее охватило

противоположное: отчаяние. А теперь? Что будет теперь? Другими словами, если будет утешение от мужа, то потеряю утешение от Бога? Поэтому она начала молиться:

– Боже мой, что нам делать теперь?

Но что ей говорить? «Сделай моего мужа зверем?» Не может она такого сказать. А что сказать? Как бы там ни было, она молилась, молилась, после этого пришли другие искушения и так далее, и она заново открыла себя. То же самое делали и святые. Почему они выбирали отдаленные места, где нет человеческого утешения? Потому что они по опыту знали, что чем больше у тебя человеческого утешения, тем меньше утешения от Бога. Отец Захария рассказывал мне о старце Софронии, что он говаривал:

– Когда я жил в пустыне и у меня был один пакет молока для моих нужд, я говорил себе: «Одного пакета молока мне хватит на три-четыре дня, на одну неделю. Что нужно сделать, чтобы получить еще один пакет? Пойти купить». Не простая ли это логика? А логика пустыни говорит другое: «Хочешь приобрести два пакета молока? Отдай пакет, который у тебя есть, и придут два». Другими словами, чтобы у меня было два пакета молока, я отдавал один, и Бог посылал мне два. Отдавал два, и Бог посылал мне четыре. Почему? Потому что там нет человеческой помощи, ты не в миру.

Никогда не забуду, как я в молодости жил в Капсале, на Святой Горе, – там пустыня, стоят снега – особенно зимой все мы оказывались заблокированными: невозможно было пойти проведать другого. В горах, в зарослях, по 10–15 дней ты не мог пройти, чтобы увидеться с соседом. Когда я говорю «сосед», я имею в виду какого-нибудь брата, живущего на огромном расстоянии от тебя. Он, однако, твой сосед, поскольку ты видишься с ним издалека. Однажды мы взяли кое-какие вещи и отнесли их к одному старцу, который жил пониже нас. Он жил один. Это по-человечески – отнести ему что-нибудь: немного растительного масла, других вещей.

– Геронда, мы принесли тебе кое-чего!

– Премного благодарен! Передайте благодарность вашему старцу!

Он откладывает часть принесенного.

– Да это всё для тебя!

– Нет-нет! Вот этого хватит на сегодня!

– Ну хорошо, а завтра?

– Ну-у-у, завтра! Бог знает! Не надо на завтра!

И где обитал он? Не в городе, рядом с бакалеей, а в пустыне. Неоткуда было ему иметь завтра. Но поскольку у него не было человеческой помощи, у него действительно была Божия помощь. Это верно – по своему небольшому опыту говорю вам, – что как только по-человечески что-то невозможно, тогда вмешивается Бог. Однако факт, что это происходит, когда человек доходит до крайнего предела своих сил, туда, где он больше не может. Когда дойдешь дотуда, там Бог. Однако надо дойти дотуда, выдержать путь к крайнему пределу, не впасть в малодушие и не сказать: «Нет! Хватит!» – и отступить назад. Надо дойти туда, надо иметь эту силу, ждать и верить, что Бог там. А если начнешь делать другое, тогда лишишься утешения Божия. Знаете ли вы, что человек может утратить утешение от Бога и из-за самых обыкновенных вещей, на которые возлагает упование?.. Потому что Бог говорит, что сребролюбие – это грех, что уйма всего еще – грех. В чем суть? Суть в том, что это окрадывает наше сердце. Иметь деньги не грех – если бы у меня были деньги, если бы мы были миллионерами… И я говорю вам, что хотел бы стать миллионером, это не что-то плохое – иметь деньги, но они не должны окрадывать твое сердце. Если ты сумеешь остаться свободным и правильно управлять ими, тогда ты с легкостью войдешь в рай. Это ключ, открывающий рай, но этот же ключ открывает и ад. Если не будешь внимателен, с тем же ключом ты войдешь в соседнюю дверь. Вопрос в том, чтобы сердце человека не было окрадено, неважно чем: человеком, деньгами, человеческой славой, положением и всем чем угодно. Пусть это не окрадывает твоего сердца, чтобы оно оставалось с Богом.

И снова пример из монашеской жизни. На Святой Горе были разные воры, которые обворовывали, грабили монахов и даже издевались над ними. Были у нас подобные истории. Итак, на Святой Горе говорили, что есть воры. Что же нам делать? Легче всего ограбить монаха: он один, в горах. И вот некий монах взял да и повесил хороший замок на дверь своей кельи… Но давайте сначала расскажу вам другую историю.

Был один старец, наследник Хаджи-Георгия. Пришли его грабить. У него были старинные иконы в келье. Связали ему руки, ноги, рот, чтобы не кричал. А он им сказал:

– Прошу вас: прежде чем вы меня свяжете, отведите меня в церковь, и там свяжите меня.

– Зачем?

– Чтобы я был в храме. И откройте мне книгу, когда свяжете меня, чтобы я до утра прочел службу, не пропустил ее!

Они связали его, и он так читал. Потом соседи нашли его:

– Ничего страшного! Хоть меня и связали, но я службу прочел! Они только взяли вещи и ушли.

Но вернусь к своему примеру.

Наш сосед пошел и купил висячий замок:

– Его не открыть! Пусть приходят: ничего у них не получится!

Да, но когда вечером он стал молиться, Бога не было с ним. Он утратил молитву. Почему? Бог сказал ему:

– Твое упование на замок или на Меня? Кто тут охраняет твое обиталище? Замок или Я?

Он до того почувствовал себя изобличенным, что убрал замок и положил себе правилом 40 дней спать с незапертыми дверями. Хотя, конечно, он пугался малейшего шума и прыгал с кровати.

В Иверский монастырь пришла икона Пресвятой Богородицы по морю, и преподобный Гавриил Иверский, идя также по морю, пошел и взял икону, отнес ее в монастырь, отцы поставили ее в соборном храме, но утром обнаружили в монастырских воротах. Господи, помилуй! Кто ее взял? Ладно, снова отнесли ее в храм, но на другое утро она снова была в воротах. Опять поставили ее в храме, и опять нашли в воротах. Заперли храм. Тогда Пресвятая Богородица явилась игумену и сказала:

– Геронда, это Я буду охранять вас, а не вы Меня!

С тех пор икона Пресвятой Богородицы стоит у монастырских ворот. Конечно, из почитания монахи закрыли те ворота, поставили рядышком другие и воздвигли часовню, где и находится икона, которая потому и называется Вратарницей, то есть Святой Богородицей, стоящей у ворот. Потому что это Бог охраняет нас, а не мы Его… Где нет человеческого: человеческих утешений, человеческих сил, – Бог там.

Бог – наша цель. Когда у нас всё в порядке и есть множество благ, надо благодарить Бога за то, что у нас есть, прославлять Его за все блага, которые у нас есть, но не забывать о трудолюбии, добровольном трудолюбии в аскезе – и телесной, и духовной, любой аскезе, приводящей к трудолюбию в нас, потому что оно освободит нас от страстей и греха…

Митрополит
Лимассольский Афанасий
Перевела с болгарского
Станка Косова
Двери.Бг

Вопрос – ответ

Обязательно ли для верующего человека следование различным церковным «формальностям»? Почему нельзя веровать во Христа и при этом не посещать церкви?

Отвечает архимандрит Амвросий (Ермаков):

Не случайно Вы слово «формальности» написали в кавычках: Вы сами чувствуете, что речь идет не о пустых условностях.

К примеру, при встрече мы говорим друг другу «здравствуйте», а когда нам оказывают услугу – «спасибо». Может быть, это ненужные формальности, которые стесняют нашу свободу? В приличном обществе принято быть аккуратно одетым, не употреблять нецензурных выражений, не плевать себе под ноги. Может быть, все это излишние условности, не заслуживающие внимания? Вы понимаете, что этот список можно долго продолжать. Каким-нибудь аборигенам даже то, что мы каждый день чистим зубы, покажется «формальностью».

Есть хорошая китайская поговорка: «Чтобы указать на луну, нужен палец, но горе тому, кто примет палец за луну». Все внешнее в Церкви служит именно для того, чтобы мы увидели «луну», а точнее Солнце правды – Христа-Спасителя. Горе тому, кто примет внешние обряды за нечто самодостаточное.

Если же мы верим во Христа, то мы верим и каждому Его слову. А Он сказал: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». И еще сказал: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6:53). Причащение Телом и Кровью Христовыми происходит в Церкви, которую Он основал, завещал апостолам и которая пребудет непоколебимой до скончания века. Можно ли одновременно верить во Христа и не верить Христу? Можно ли верить во Христа и не быть в Его Церкви?

Грешно ли играть в карты не на деньги?

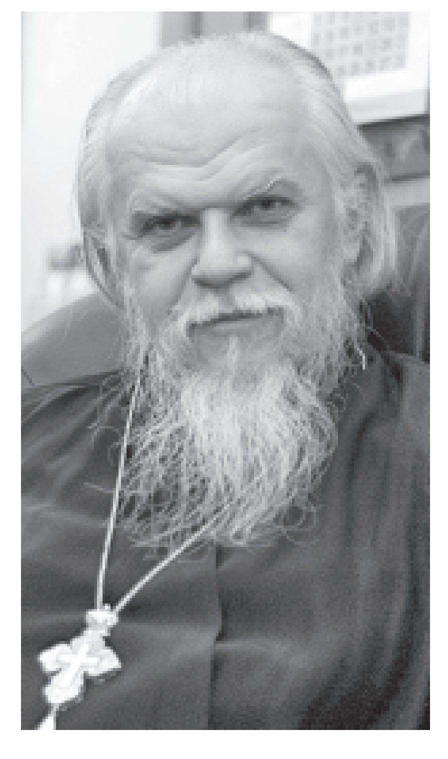
Да, грешно. Дело в том, что карты имеют очень глубокую антихристианскую символику.

Обратите внимание на карточные масти. Все они изображают евангельские символы, но как бы глумясь над ними. Трефы – крест, на котором был распят Иисус Христос. Пики – копье, которым Он был прободен. Черви – губку с уксусом, которую поднесли умирающему на кресте Спасителю, чтобы напоить Его. Бубны – четырехгранные гвозди, которыми были прибиты к кресту руки и ноги Христа.

foma.ru

Смерть, которой ждут

Победа над смертью, способность жить вечно – идея, которая владеет умами человечества на протяжении всей его истории. Смерть отнимает у человека все, сводит на нет любые его достижения, смыслы превращает в бессмыслицу. Каждый человек приближается к ней со скоростью 60 секунд в минуту. И вряд ли найдется тот, кто сказал бы, что эта грядущая встреча со смертью его радует. Человеку свойственна тоска о бессмертии. Но возможно ли победить этого страшного и неумолимого врага? Что люди понимают под словом «бессмертие» сегодня? Каково христианское видение смерти? Как христиане относятся к смерти? Почему боятся ее и, одновременно, ждут ее – чая воскресения мертвых, как поется в Символе веры? Почему скорбят об умерших и в то же время – празднуют дни кончины святых? Почему просят о безболезненной кончине и в то же время страшатся уйти из жизни внезапно? В этих, казалось бы, парадоксальных сочетаниях мы пробуем разобраться вместе с главой Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению, викарием Святейшего Патриарха Московского и всея Руси епископом Орехово-Зуевским Пантелеимоном (Шатовым).

Смириться с исчезновением?

– Владыка Пантелеимон, каким был Ваш первый опыт соприкосновения со смертью?

– Когда мне было шесть лет, умерла моя бабушка. Я уезжал на дачу летом, а когда вернулся, то не сразу заметил, что нет моей бабушки, которая жила с нами. Была уже осень, потому что я помню, что папа топил печку. И вот около этой печки я у него спрашиваю: «Пап, а где бабушка?» Он говорит: «Она умерла». – «А как это – умерла?» – «Ну, она уснула». – «Раз уснула, то когда она проснется?» – «Она никогда не проснется». Мне стало немножко страшно, и я спросил: «И что?» Ее, говорит папа, закопали. Мне стало совсем не по себе: «Как же это?» Отец стал объяснять: «Ну как, сынок, все же умирают». Тут мне сделалось еще страшнее! Я тогда уже с замиранием сердца спрашиваю: «А я?..» – «И ты тоже умрешь, только это будет не скоро, не бойся».

И с тех пор я стал над этим задумываться. Меня очень любили родители, поэтому я рос самовлюбленным, эгоцентричным человеком, и отчасти по этой причине меня волновала собственная смерть, вопрос моего собственного абсолютного исчезновения. С этой мыслью я не мог смириться, ужас смерти мучил меня очень долгое время. Помню, как ребенком прибегал к маме на коммунальную кухню, где она стирала или готовила, и спрашивал: «Мама, я умру?» Она меня утешала тем, что это будет очень не скоро. Эти слова, конечно, не могли меня утешить, но сама будничная обстановка кухни, голос мамы успокаивали меня и отвлекали от страшных мыслей. Уже будучи совершеннолетним, я, бывало, ночью не мог уснуть, просто готов был кричать, кусал подушку, чуть ли не головой об стенку бился, потому что представление, что тебя не будет, и все кончится, было ужасающим!

После этих приступов, которые случались периодически, я, конечно, начинал очень дорожить тем, что у меня было, старался совершать какие-то хорошие поступки. Но все равно ужас возвращался – до тех пор, пока я не пришел к вере.

– Приход к вере был связан с этим страхом смерти?

– Нет, к вере я пришел, поняв, что существует другая реальность, помимо той, в которой я живу. Причем я узнал об одной стороне этого другого мира – ощутил реальность ада. И от противного стал рассуждать: если есть адское состояние, то есть и Бог. И тогда крестился. После этого страх смерти от меня ушел.

– Атеистическая пропаганда утверждала, что страх смерти – это именно то, что приводит людей к религии, так как вера в «сказки о загробной жизни» – способ успокоить человека, побороть этот страх. Что на это можно сказать?

– Есть такой анекдот: в лаборатории сидят, привязанные, две подопытные собачки, и одна спрашивает другую: «Что такое условный рефлекс?» Та отвечает: «А вон, видишь, стоят два болвана в белых халатах? Как только загорится та лампочка, они сразу же принесут нам поесть...». Вот такая для нее причинно-следственная связь.

Так и тут: причинно-следственная связь обратная. Человек боится смерти, потому что смерть противоестественна. Даже Господь страшился смертных страданий и молился Отцу: Все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты (Мк. 14:36).

– Мысль о том, что смерть противоестественна, неочевидна для многих людей. Почему христиане считают иначе?

– Человек ведь не телевизор: выключили, и он погас. Телевизор просто функционирует, он не осознает, что с ним происходит. Но я же понимаю, кто я, обладаю какой-то степенью свободы. Зачем эта свобода мне дана, зачем мне дана способность мыслить, осознавать себя? Как с этим быть? Даже когда человек видит, как умирают другие люди, он не понимает, не может осознать, как это возможно в отношении него самого.

– Поэтому люди зачастую вытесняют из сознания мысли о смерти, о конечности земной жизни…

– Конечно. Почему, например, на Западе сегодня отпевают и хоронят в закрытых гробах? Смерти как бы нет. Страдания как бы нет – поэтому у нас не любят посещать одиноких людей, больных, видеть инвалидов… Получается, такой человек не соприкасается с реальностью на самом деле – вся жизнь превращается в какой-то сон, непрерывное стремление к удовольствиям и бегству от всего, что может быть неприятным. Современные люди закрывают глаза на смерть, они хотят жить вечно той суетой, тем опьянением страстями, в котором они пребывают (тщеславие, погоня за карьерой – это тоже род пьянства). Но рано или поздно они протрезвеют.

Страх: нормально ли бояться смерти?

– О своей смерти можно думать абстрактно, и она может не вызывать особых эмоций, поскольку кажется человеку слишком нереальной, далекой…

– Смерть действительно становится страшна тогда, когда ты видишь, как умирают твои близкие. Для санитаров, которые работают в морге, покойник – это объект, они не видели его живым, не слышали его голоса, не видели его глаз, не испытывали к нему никаких чувств. А когда умирает кто-то близкий, бывает страшно, бывает тяжело перенести.

Хотя, конечно, нормальный человек не может отнестись спокойно к телу мертвому, холодному, недвижимому. Я помню свой первый подобный опыт: когда я пошел работать в больницу санитаром, и ночью меня вызвали выносить покойника – это было еще тогда, когда я не знал Бога и не верил в Него. Я помню эту ночь как одну из самых страшных ночей в моей жизни. Я не мог заснуть и думал: лишь бы больше не было вызовов. Потому что снова пойти в этот морг, где лежат эти голые тела на цинковых столах, нести туда еще одного покойника – мне было ужасно тяжело об этом даже подумать.

Хотя люди разные: один мой друг, который позже стал священником, иногда приходил специально в этот морг работать санитаром, чтобы вспомнить о смерти.

– А для христианина нормально бояться собственной смерти?

– Существует разный страх смерти. Есть страх такой, какой был у меня: для человека самовлюбленного и к тому же неверующего смерть – конец всему, и этот конец не может быть оправдан никаким самопожертвованием ради других. Есть страх, что ты исчезнешь, – и он естественный: ну как же смириться с тем, что тебя не будет? А есть страх смерти, о котором говорится в книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова: Во всех делах твоих помни о конце твоем, и вовек не согрешишь (Сир. 7:39). Этот страх ответа за свои поступки, за свои слова помогает человеку становиться лучше. Конечно, Бог есть Любовь, Он милостив, но Он же есть и Судия праведный. Поэтому, конечно, бояться смерти как ответа перед Ним – это нормально и полезно.

– Но апостол Павел говорил, что не может дождаться дня, когда разрешится и будет со Христом…

– Верующий человек относится к смерти двояко. С одной стороны, первые христиане писали на могилах: «Радуйся!», воспринимали смерть как конец земных мучений, торжество. Современный нам старец Паисий Святогорец, когда узнал, что у него рак, чуть ли не в пляс пустился: обрадовался, что кончается эта жизнь, и впереди – вечность. И когда умирала моя супруга, она говорила, что не боится смерти, потому что верит, что это будет встреча с милостивым Богом. И даже не боялась оставлять своих детей, поскольку верила, что если Господь ее призывает, значит, Он Сам позаботится о детях, Матерь Божья поможет.

Но, с другой стороны, в смерти есть, конечно, и скорбь, и ужас. Ведь Христос плакал у гроба своего друга Лазаря...

Это удивительным образом как-то совмещается в человеке: ощущение противоестественности смерти, с которой он не может смириться (и это правильно, с

этим не надо мириться!), и понимание того, что смерть – это переход к другой, лучшей жизни, встреча с Богом. Последнее помогает ему этот естественный перед смертью страх преодолевать.

– Вы видели когда-нибудь, как умирает настоящий христианин?

– Меня поразила смерть мамы протоиерея Владимира Воробьева*. Я был при ее кончине, она знала, что умирает, попрощалась со всеми, благословила своих внуков, передала какие-то свои пожелания. Ей было трудно умирать, каждый вдох давался тяжело, но с ней рядом находились два ее сына, которые поддерживали маму с двух сторон, и мы все вместе молились Богу. А после ее смерти я чувствовал, что осталась открытой дверь туда, куда ушла Евгения Павловна. Это было удивительное чувство!

Моя жена тоже умирала, окруженная детьми, друзьями, мы видели, что она умирает, молились все о ней. Я помню, что пережил после ее смерти, – этого нельзя никак описать или объяснить. Мы жили на даче у отца Владимира, и я пошел в сад, сел на стул и долго сидел в каком-то состоянии, когда не было ни мыслей, ни чувств, но было странное, необыкновенное ощущение какой-то свободы от всего. Я понимал, что сейчас душа моей жены переходит в другой мир, оставляет всё земное. Я отчасти как бы сопутствовал ей.

В смерти есть величие... Когда умирает христианин, когда он осознает, что с ним происходит, а близкие сопровождают его на этом пути, – в этом некая тайна, которая приоткрывается тем, кто остается на земле.

Таким образом, умирание сопряжено и со страхом, и с грустью расставания, и с безобразием разлагающегося тела, но вместе с тем – чего часто не хотят видеть – есть в этом моменте и радость от ожидания полноты бытия, и некое таинство, и величие.

Уверенность: откуда она?

– Что нам дает уверенность в том, что будет воскресение из мертвых, будущая жизнь?

– Уверенность в том, что есть жизнь после смерти, нам дает факт воскресения из мертвых Господа, Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. В XXI веке людям особенно легко в это верить, поскольку у нас есть Плащаница, исследованная учеными множество раз, – подлинная ткань, в которую было завернуто тело Христа. Ее подлинность не раз ставилась под сомнение, но сегодня она доказана. Невозможно иначе объяснить ее появление, как только тем, что Господь действительно умер на кресте за нас, как написано в Евангелии, воскрес из мертвых и теперь жив.

– Но разве вера опирается только на Плащаницу?...

– Нет, конечно. Есть еще внутренняя уверенность, убежденность. Например, митрополит Антоний Сурожский рассказывает о том, что решил раз и навсегда честно убедиться, что Евангелие – это сказки, сел читать и вдруг почувствовал присутствие Христа, хотя не верил в Него. И он понял тогда, что Евангелие – правда, и что раз Христос жив и вполне реально присутствует перед ним, значит, Он действительно воскрес и смерть побеждена.

– Поэтому православные и празднуют дни кончины святых, например, Успение Богородицы?

– Именно потому и празднуют, что кончилась эта суета и началась настоящая жизнь! Успение – это рождение в жизнь вечную. Когда мы смотрим Олимпиаду, мы же празднуем, прежде всего, победу спортсменов в финале, а не на каких-то промежуточных этапах. Так и смерть – она подводит некую черту. Мы знаем примеры великих грешников, которые жили страшно, скверно, нечисто, а в конце жизни просияли как великие святые. Это мученик Вонифатий, это блаженная Таисия, которая жила благочестиво, потом пала в разврате, но когда к ней пришел один из подвижников и призвал к покаянию, она бросила всё и пошла с ним в монастырь. Она прожила после своего обращения несколько часов и умерла ночью по дороге в пустыню, но так сильно было ее покаяние, что ее спутник видел ее душу, словно звезду, взошедшую на небо.

– Многие верят в бессмертие души, но христиане верят еще и в воскресение тела...

– Да, мы верим, что будет воскресение тела, правда, как это

Вопрос - ответ

Обязательно ли освящать квартиру? Всю жизнь моя семья живет в неосвященной, это что, грех?

Жить в неосвященной квартире не грех.

Зачем вообще мы освящаем квартиры? Человек, который стремиться быть с Богом, через матерь-Церковь просит у Господа благословение на свои дела. Освящая дом, мы тоже просим благословение – хотим, чтобы Бог благословил жилище и всех его домочадцев. Это не магический обряд, не предохранение от пожара или других бед. Это именно благословение.

Существует молитва на освящение всякой вещи. Благоговение и трепет, с которым человек относится к освященным вещам, это часть нашей любви к Богу. Освящая дом, мы получаем благословение творить в нем только добрые дела, жить в мире со всеми.

будет – для нас тайна. Даже воскресший Христос являлся своим ученикам таким образом, что они Его не узнавали. Не только Мария Магдалина не узнала, когда пришла ко гробу (она приняла Его за садовника), но не узнали и апостолы, с которыми Он беседовал на протяжении долгого времени по пути в Эммаус! Они не узнали Его, когда Христос явился им на берегу Геннисаретского озера, хотя сидели вместе с Ним у костра. Написано, что никто не смел спросил у Него: «Кто Ты?» Почему так? Они знали, что это Христос, но не узнавали Его прежним, таким, каким они видели Его в три года совместных странствий. Я так это понимаю.

Поэтому и воскресение после смерти – тайна. Как человек воскреснет? В каких телах будут люди? Кто-то предполагает, что все будут одного возраста. А может быть, тело будет соответствовать состоянию души человека.

– А вообще насколько мы можем рассуждать о том, что нас ждет в будущей жизни?

– Мы можем предполагать на основании Священного Писания, с рассуждением – на основании свидетельств святых или свидетельств тех людей, кто побывал за гранью жизни и смерти и вернулся.

Есть разные образы перехода от этой жизни к другой. Кто-то говорит о весах, на которых взвешиваются дела, кто-то – о мытарствах. Но очевидно, что на языке человеческом невозможно выразить эту тайну адекватно. Этот опыт невозможно передать достаточно понятным образом. И в этом знании нет особой нужды. Можно не расстраиваться: когда-нибудь мы все узнаем, что там, за гранью – никуда от этого не деться.

Скорбь: бывает ли она чрезмерной?

– Можно ли упрекнуть верующих в том, что они плачут на похоронах, скорбят по умершим, несмотря на свою веру в то, что они обязательно увидятся?

– Смерть – это всегда печаль, всегда расставание. Если человек был тебе близок, естественно грустить о расставании с ним. Если это праведный человек, как мама отца Владимира Воробьева, – все равно грустно: ведь его больше нет рядом, чувствуется какая-то пустота, как чувствует отсутствие ноги человек, которому ее ампутировали. Расставание бывает очень трудным…

– А бывает излишняя скорбь?

– Бывает, совершенно точно. Один известный священник, у которого умерла жена, крайне тяжело это переживал. И старец даже укорил его за это, написал ему, что это грех – христианину не подобает так убиваться.

Я пережил нечто подобное, поэтому могу говорить не теоретически, а исходя из опыта… Сейчас-то я уже привык жить один, но когда умерла моя жена, конечно, мне было очень тяжело. После короткого периода успокоения и радости, так как её кончина была блаженной, хотя и не совсем безболезненной, наступило время тягостного одиночества. Мир в тот момент стал для меня черно-белым, еда потеряла свой вкус, иногда, помню, просто хотелось выть, кричать. Сначала мне сочувствовали, а потом люди быстро привыкли, что моя жена умерла... Не с кем было поделиться своей скорбью – детям высказать ее я не мог. Было страшно больно внутри, страшно одиноко, терзало ощущение оставленности близким человеком – оно, конечно, ужасно...

Поэтому людям, у которых умер близкий человек, конечно, нужна помощь Божья. Мне помогало то, что я стал ходить в больницу. Ведь и праведному Алексию Мечеву, потерявшему супругу, святой Иоанн Кронштадтский сказал: «Будь с народом, войди в чужое горе, возьми его горе на себя и тогда увидишь, что твое несчастие мало, незначительно в сравнении с общим горем; и легче тебе станет». Так и я забывал о своем горе, видя скорбь других людей.

Утешала меня еще вера в то, что супруга моя в Царствии Небесном сподобилась прощения грехов. Старец Павел (Троицкий) писал мне о том, что по ее молитвам многое в моей жизни совершалось впоследствии.

Поэтому, с одной стороны, – это тяжело и трудно, а с другой, у тебя там на небесах есть близкий человек.

– Как лучше вести себя, как утешать человека, если у него умер кто-то из близких?

– Такому человеку нужна некая внутренняя поддержка, которая совершенно необязательно должна быть выражена в словах. Я помню одного человека, который умирал, и, встречаясь с ним глазами, я чувствовал, что он переживает. То есть существует невербальное общение между людьми. Можно и не говорить ничего, но дать человеку почувствовать свое понимание, соучастие как-то иначе. Эта поддержка выражается интонацией голоса, каким-то особым вниманием, бережным отношением, жестом. Можно так посмотреть на человека, что этого ему будет достаточно: он все поймет. И это очень поможет ему.

– Многим родственникам хотелось бы знать об участи своих умерших. Нормально ли такое желание, можно ли молиться об этом?

– На самом деле, никто об этом не может сказать достоверно, и до Страшного суда это неизвестно. Точно мы знаем участь святых, а об остальных мы можем только предполагать и молиться: «Со святыми упокой».

И потом, если мы узнаем, что им хорошо, что ж, не будем за них молиться? Молиться надо продолжать, чтобы было еще лучше, – это и поддерживает нашу связь с ними и свидетельствует о нашей любви. Мне кажется, главное – молиться и стараться жить так, чтобы содействовать спасению наших близких. Помните, апостол Павел говорит о верующей жене: «Откуда ты знаешь, не спасёшь ли мужа?» Даже если он неверующий. Муж и жена – одно целое, и ясно, что даже когда один из них умирает, некое единство сохраняется. И твои добрые дела, сделанные в память о нем, тоже помогают ему в той жизни. Не просто деньги, брошенные в кружку нищего, а изменение души, духовный подвиг, какое-то доброе дело.

Любовь сильнее смерти

– Можно ли сказать, что знание о бессмертии души заложено в любом человеке, верующем или неверующем?

– Конечно. Я думаю, в человеке, безусловно, живет несогласие со смертью. Мы созданы для вечной жизни, и это знание заложено в нас. Мы и боимся смерти именно поэтому. Каждый человек в глубине души чувствует, что Бог призвал нас в этот мир для счастья, для радости вечной, а не для какого-то бессмысленного прозябания, а потом – абсолютного уничтожения.

Человек верит, что все у него будет хорошо. Но в этом мире никогда не может так быть: не может здесь существовать полноты счастья, никогда человек не удовлетворит все свои желания, никогда жизнь не будет устроена так, как ему хотелось бы, никому не удастся избежать страдания, – потому что мир искажен грехом. Однако в человеке заложена вера в счастье. Это правильная вера, правильное мироощущение ребенка, воспринимающего мир как сказку. Но созданный Творцом мир лучше, чем сказка, и Бог больше любит человека, чем любят его родители. Человек чувствует душой эту любовь, верит в это...

– Таким образом, можно примириться и со смертью?

– Можно примириться со смертью как с переходом в другую жизнь. Все в этом мире – подготовка к этому предстоящему нам всем переходу. Единственное, что по-настоящему значимо в этом мире, – это любовь, которая нас соединяет. Любовь существует вопреки смерти. И она сильнее смерти.

– С христианской точки зрения, смерть человека является освобождением нашей богоподобной души от бренного тела?

– Ни в коем случае. Христианство учит, что душа без тела является такой же неполноценной, как и тело без души. Поэтому Церковь всегда рассматривала посмертное разделение души и тела как нарушение человеческой природы и величайшую трагедию.

– Разделяет ли Церковь учение о реинкарнации – переселении душ?

– Нет. Церковь утверждает, что каждый человек – уникален, поэтому душа дается ему лишь однажды, при рождении, так же, как и тело. После смерти душа отделяется от тела и будет находиться в таком противоестественном состоянии до Всеобщего Воскресения, когда Бог восстановит тела всех умерших когда-либо людей. Тогда душа и тело каждого человека вновь соединятся, на этот раз – уже навсегда.

– Что происходит с душой после смерти?

– Согласно православному вероучению, после смерти душа первые три дня остается на Земле, рядом с телом, со своими родными и близкими, не имея, однако, возможности какого-либо общения с ними. С третьего по девятый день душа созерцает райские обители, а с девятого по сороковой ей показываются адские мучения. На сороковой день Бог определяет посмертную участь души человека, в соответствии с ее состоянием.

– Что такое мытарства?

– Мытарствами в православной традиции называются посмертные испытания души на наличие в ней греховных страстей и привязанностей. Это не догмат, но учение, известное с XI–XII веков из «Мытарств преподобной Феодоры».

Согласно этому учению, мытарств – двадцать: от мытарства празднословия до мытарства жестокости. На каждом из них происходит испытание души в отношении какой-либо разновидности греха. Если в ней есть симпатия и привязанность к этому греху, душа остается на этом мытарстве и уже не может продолжать свой путь к Богу.

– Может ли душа, увидев реалии посмертного своего существования, измениться и стать иной?

– Самостоятельно душа измениться не может. Это связано с тем, что меняться может лишь человек. А душа, отделенная от тела, не является полноценным человеком, она лишена воли и способности к такой перемене. Но изменение посмертного состояния души человека возможно через молитву и праведную жизнь любящих его людей, поскольку духовная связь между ними сохранилась. Поэтому душа усопшего может приобщиться Богу в той степени, в какой живущие на Земле приобщаются Ему своей молитвой и праведностью. На этом единстве живых и умерших людей, связанных взаимной любовью, основана традиция Церкви поминать усопших. Меняя себя, мы способны изменить и души наших умерших близких.

foma.ru

Будет счастье

«Жизнь не задалась... Все не так! Вот другие... Почему у них все получается, все планы реализуются, все спорится? Чем хуже я, чем лучше они? Отчего все так несправедливо? Почему Господь мне не помогает?» Знакомые вопросы? Часто приходится их слышать? А отвечать на них? А самому задавать?.. Не вслух, может быть, про себя только. Но случается ведь... А и правда – отчего? Почему?

Ведь Господь всегда «близ призывающих Его» (Пс. 144, 18). Ведь нет никого, кто был бы Им нелюбим, бесповоротно отвергнут. И нет, не может быть у Него никакого лицеприятия. Что же тогда?

Верит человек, в храм ходит, исповедуется, причащается, молится. А все одно – как об стену горох: те же неудачи, то же кручение на одном месте, та же бестолковость жизни, бесплодность всех усилий. И то же непреходящее недоумение, до скорби, до боли, до обиды: «Да почему?!».

Есть один ответ... Очень внятный, очень ясный, единственно верный. Одновременно и на поверхности лежащий, и предельно глубокий, серьезный. И вместе с этим – умом и сердцем не просто не принимаемый, а прямо отторгаемый ими.

...Как же часто мы просим Господа о помощи и одновременно противимся Ему – всеми силами, всем существом своим! Как просил некогда Августин: «Господи, даруй мне целомудрие. Но только не сейчас!». И больше того: «Помоги, но не так, и не так... Этого не отбирай! То – оставь! Спаси, но дай свободу грешить...». Ищем счастья и бежим от Того, Кто один – не только его источник, но и само счастье. Пытаемся украдкой от Всевидящего (!) что-то урвать от жизни, насладиться тем, что противно Ему.

И искренне обижаемся... на Него. И жалуемся. И ропщем. И от всего этого – еще хуже.

А состояться-то подлинным образом можно лишь одним способом. «Скажи мне, Господи, путь, воньже пойду, яко к Тебе взях душу мою» (Пс. 142, 8). А еще лучше: «Сам меня, Господи, этим путем поведи, даже если не захочу потом этого, если вырываться буду, биться в Твоих руках. Сейчас, когда мой ум хотя бы отчасти ясен, когда страсти не помрачают его, приношу молитву мою. Вонми ей, не дай пропасть мне вдали от Тебя». Поразительно, как мы боимся сказать что называется у отцов «в чувстве сердца»: «Да будет воля Твоя!» или проще: «Делай со мной, что хочешь, только спаси!». По Его воле приходим в этот мир, по Его же воле его покидаем, от Его решения и вечная участь наша зависит всецело, и Ему не доверяем? Никто не любил и не полюбит нас так, как Он, и Его боимся?

«...Господь мой еси Ты, яко благих моих не требуеши» (Пс. 15, 2). Ничего, что для нас на самом деле благо, полезно, спасительно, не отнимет у нас Христос. Он отсекает лишь вредное, чуждое, болезненное, то, с чем невозможно идти вслед Его и войти никак нельзя – туда, где Он, «придя прежде, все устроил для нас» (ср.: Ин. 14, 2-3). Больно, страшно? Иногда очень. Но без этого – как?

Кому охота ложиться на операционный стол? И вместе с тем – как быть, если иначе нельзя? И можно ли ожидать от хирурга, что он справится со своей задачей, если мы будем хватать его за руки, дергаться и брыкаться, спрыгивать с этого стола на пол, а то и вовсе из клиники сбегать?

Да, конечно, Господь не врач земной, все в Его власти и все Ему возможно. Но без нашей воли ничего не сделает с нами и Он, ибо какой в этом смысл?

Спасает ведь не одна лишь Его любовь, сама по себе, иначе не было бы никого не спасшегося. Спасает нас способность откликнуться на нее, спасает способность довериться. Не противиться, не бороться, не мешать Ему творить с нами дивные и великие Его чудеса.

Откликнешься, и не будет чувства, что жизнь не задалась. Доверишься, и не будет недоумений, вопрошаний, роптаний. Будет счастье.

Игумен Нектарий (Морозов)
pravoslavie.ru

Церковь и люди

«Где-то, я знаю, есть батюшка, есть храм… Ну и славненько, что есть. Если мне будет нужно – я туда пойду и решу свои проблемы; не дай Бог, конечно, чтобы они появились. Ну и… всё. А чего еще собственно надо?»

Вот так или примерно так относится сегодня абсолютное большинство крещеных людей к Церкви, не понимая, что Церковь – это не здание только, не священник и даже не службы, совершаемые в храме, а люди, сами люди, стремящиеся достичь единства с Богом во Христе и без этого единства не мыслящие свою жизнь. Но этого осознания, острого и ясного желания быть с Богом нам не хватает сейчас просто критически в масштабах Отечества, слава Богу, именующего еще себя православным. Именно это осознание, его возрождение – это то, о чем нам, людям, понимающим необходимость благовествования, надо думать сейчас в первую очередь. А храмы… их, конечно, надо строить, но горько, что это делается не всем миром православным, не сообща, как это должно быть, а малой группой энтузиастов и еще более малым количеством состоятельных людей, именуемых спонсорами и на которых идет настоящая охота, потому что без их помощи строительство храмов большинству приходов попросту не осилить.

Но, с другой стороны, в наше время и само строительство храмов становится своеобразной формой благовествования, проповедью в камне. Священник с кучкой прихожан и с великой надеждой на Божию милость пытается, более или менее успешно, продвигать это дело строительства, и по ходу его продвижения всё больше людей втягивается в орбиту церковной жизни. И как же хочется, чтобы люди поскорее «приходили в себя» после столетнего безбожного обморока, чтобы начинали уже считать церковную жизнь и своей, личной жизнью. Но как же медленно, как же трудно это пробуждение происходит! Ведь абсолютное большинство крещеных и мыслящих себя православными людей всё еще считает Церковь каким-то хоть и важным, но всё же дополнением к жизни, а вовсе не тем, на чем эту жизнь надлежит строить, без чего она никак не может быть ни доброй, ни надежной, ни крепкой.

Этого понимания нет – в том масштабе и охвате, чтобы мы могли со спокойной совестью сказать: а вы знаете, воцерковление народа нашего действительно идет уже полным ходом… Можно будет, я верю, сказать эти слова, но – в будущем, близость или отдаленность которого во многом зависит от нас самих. А пока Церковь отделена не только от государства (что, конечно, хорошо), но и от действительной, повседневной жизни миллионов крещеных людей, а это весьма прискорбно.

Что тут можно поделать? Вопрос не простой, потому что множество наших соотечественников увязло в нелепом и странном, но устойчивом мнении, что Церковь – это вспомогательный институт для земной, благополучной и счастливой жизни. Больше того, часто люди и обманываются, и разочаровываются жестоко, ожидая в каких-то критических обстоятельствах от Церкви решения своих проблем, причем решения именно такого, каким оно видится правильным самим людям, попавшим в то или иное затруднение. А решение видится отнюдь не в изменении своей жизни, зачастую далекой даже от минимальных требований христианской нравственности, а в достижении того самого среднестатистического благополучия, которое не слишком сверяет себя с образом жизни христианским. И не слишком озабочено исканием Царства Небесного.

Так что главная задача проповеди сейчас – это раскрытие той истины, что жизнь, ее полнота и развитие напрямую зависят от согласия человека с Богом. И это согласие – первое, на что христианину нужно обращать внимание и в достижении чего сама Церковь служит человеку первым и доброхотным помощником. Ибо она для этого и сотворена Господом.

А всё остальное: работа, карьера, деньги, дом, семья, благосостояние – хоть и не отвергается церковным сознанием и требует внимания и повседневного труда, ответственности, но не может само по себе быть основанием для действительного благополучия в значении не только плотском, но и духовном. Потому что такое благополучие неизбежно предполагает кроме внешнего комфорта еще и глубокий душевный мир, основанием которого может служить только осмысленное существование в вечности. И без этого не обойтись. Ведь если человек не осознает себя живущим в вечности уже здесь и сейчас, если он не соизмеряет свои поступки, слова и мысли с Откровением Божиим, то все его хлопоты и труды – лишь бегство от самого себя, от правды, способ достичь забвения там, где в конечном итоге всё равно должно наступить прозрение. И чем более упорны и ожесточенны будут эти попытки убежать, спрятать-

ся от истины своего вечного бытия… от неизбежности предстать перед Богом… чем более настырны будут эти попытки, тем на большую катастрофу и мучения обрекает себя человек именно потому, что рано или поздно ему придется предстать перед явью, о которой он смутно догадывался всю свою жизнь, о которой ему напоминали непрестанно, но от которой он отмахивался, которой не хотел признавать и от которой прятался за бесконечной суетой и житейскими хлопотами.

Страшный это будет момент, и главная горечь его будет заключаться в том, что человек, без лишних и ненужных тогда разъяснений, со всей обезоруживающей очевидностью поймет, как он жестоко ошибся, полагая главным в своей жизни ее земное, житейское устроение, пусть даже по «старым добрым понятиям», но по понятиям, не берущим в расчет главного – вечности жизни человека перед лицом всемогущего Бога.

Вот это осознание и есть то главное, что дай нам Бог приобрести и усвоить всем и каждому, потому что только тогда наша жизнь – жизнь отдельного человека и жизнь Отечества и народа в целом – начнет меняться и становиться иной, по-настоящему лучшей. Потому что радость жизни в согласии с Богом как в масштабе личности, так и в масштабе народа совершенно невозможно понять и оценить гипотетически. Эта радость – действительная и многообразная – возможна только тогда, когда человек или народ будет сознательно к этой радости, к этой красоте стремиться.

Верится, что эта жизнь, особенная, иная в контексте всеобщего мирового растления, при всех неизбежных недостатках и пороках, и горестях всё же возможна для нас. И верится, что будет эта жизнь удивительна и совершенно не похожа на всё, что сейчас может предложить обезверившийся мир во всём его мнимом, но, в сущности, таком скудном и скучном разнообразии. Мы надеемся, что жизнь эта, особенная, благодатная, осуществится в нашем Отечестве милостью Божией. Потому что жизнь народная – не одного отдельного человека или группы людей, а именно жизнь народа во всей его полноте – только тогда становится цельной и несет в себе явственные благодатные и характерные черты, когда большинство или, по крайней мере, какое-то необходимо критически важное число его членов начинает жить этой особенной, ни с чем не сравнимой вечной жизнью в сознательном устремлении к Богу. И эта жизнь – не одного или двух человек, но многих людей – привлекает благодать, которая, если можно так сказать, оживотворяет, созидает и окрашивает жизнь всего народа в особенные, благоуханные, духовные и радостные тона… Вот этого ищет душа православная, этого ждет, к этому стремится, потому что не о своем спасении только заботится, но и желает вместе с Господом спасения и просвещения всех, а паче своих соотечественников – по необъяснимому, может быть, до конца, но очевидному Промыслу собранных Господом в единый народ.

Странная на первый взгляд пришла мысль, но, может быть, она недалека от истины. Эта мысль – о том, что при всей важности сознательной и созидательной, практической деятельности на ниве возрождения нашей всеобщей церковности, важную и даже, может, важнейшую роль играет необходимость переживания, искреннего и живого, боления, если угодно, об этой целостности, об этом единстве во Христе. И это переживание, боление не только о своей душе, но и о своем народе, горение духа, устремленное к Богу, есть не что иное, как безмолвная молитва о своем Отечестве. Молитва, проистекающая от желания единства в подлинной радости.

И пусть при всех необходимых житейских хлопотах и трудах, на всех перепутьях жизни никогда не оставляет нас это благое горение – желание святого единства во Христе. И тогда, так хочется верить, храмы наши станут не островками благочестия среди безжизненной смрадной пустыни, а добрыми мельницами посреди колосящихся полей благодатной и спелой пшеницы.

Священник
Димитрий Шишкин
pravoslavie.ru

Вариант нормы – не вариант

Задумываемся ли мы о том, в каком мире живем? Что большинство окружающих нас людей подразумевает под нормой жизни? Какой именно толерантности хотят от нас? Размышлениями о наболевшем за год делится игумен Нектарий (Морозов).

Мы живем в замечательном мире, который по сотворении был удивительно прекрасен, гармоничен и логичен. Однако сегодня этот же самый мир испорчен. Испорчен по сути нами: праотцы это наши или мы сами вкусили запретный плод – не важно, важно, что это сделали люди, более обще – все равно мы.

И потому, если красота его и зрима отчасти доныне, то с гармонией и логикой дело обстоит гораздо хуже. Вокруг нас, да и в нас самих тоже, так много нелогичного, негармоничного, что поневоле приходится усваивать миру нашему еще одно определение: мир этот ненормальный. И значительная часть происходящего в нем столь же ненормальна.

Правда, если обращать на это внимание, замечать эту ненормальность, жить становится очень трудно – то же самое, что против течения идти. А течение – сильное. И потому проще не замечать. И большинство не замечает.

Была в советские годы гонима Церковь. Это многие замечали? Многие переживали о том, что верующие люди в «самой лучшей стране мира» подвергаются дискриминации? Не очень. И разве это нормально? Нет, конечно. Но тех, кто «не замечал», было гораздо больше, нежели тех, чьи права жесточайшим образом ущемлялись. И посему не кого-то, а именно их, ущемляемых, признавали ненормальными, порой же и вовсе отправляли на принудительное лечение.

Народ в провинции жил в ту пору, мягко говоря, не в роскоши. За колбасой из бумаги, крахмала и костей, как и за прочим дефицитом, ездили в Москву. При этом СССР финансировал в различных уголках мира борьбу угнетенных народов за право жить лучше, а потом этим же народам (или, по крайней мере, верхушке их) лучше жить помогал. Вряд ли и это можно назвать нормальным. Однако те, кто называли это иначе, тоже зачастую отправлялись лечиться – кто куда: одни в психушку, другие на зону, а самые запущенные за пределы отчизны.

Впрочем, это я больше так – для примера. Ругать ту, безвозвратно ушедшую жизнь у меня нет никакого желания. Во-первых, не вижу в этом практического смысла. Во-вторых, в ней немало было хорошего, или иначе, нормального. И надо было бы это сохранить, да вот обычная для нас беда: вместе с водой выплеснули ребеночка, а теперь от него и косточек не собрать…

Нынешняя наша жизнь никак не лучше той, ушедшей. В ней есть многое из того, о чем мечтали жители огромного, в одну шестую часть суши, гетто. Есть книги, которые раньше можно было приобрести не иначе как по талонам, сдав по 20 кг макулатуры, и, кроме того, море других книг, которые по талонам не продавали. Есть телевизор, не с тремя-четырьмя, а с десятками или даже сотнями каналов.

Есть не просто джинсы на любой вкус (и тоже – не по талонам, полученным за тот же сбор и сдачу вторсырья), а вообще – любая одежда, любые вещи, от сорочек ценой в среднемесячную зарплату московского офис-менеджера до «майбахов» и «мазератти». Нет железного занавеса, можно ездить, куда хочешь, на самый край света, были бы только деньги.

Многое есть… Многое можно… И все равно эта жизнь – не лучше. А в чем-то так гораздо и хуже. По крайней мере, по количеству ненормальностей, по плотности их на душу населения и на квадратный километр.

Размах ненормального поражает. Если сравнительно не так уж давно семьей считались муж, жена и их потомство, то сегодня представления о том, что именно считать «ячейкой общества», до неузнаваемости изменились. Это могут быть два мужчины и усыновленные ими дети, могут быть две женщины, могут быть два… вообще непонятно кого. И это не является ненормальным сейчас. Это – вариант нормы. Причем, как убеждают многие современные ученые, социологи, общественные деятели, улучшенный.

И много еще жизнь породила подобных вариантов, всех не сочтешь. И кощунственные с точки зрения как православного человека, так и любого человека, неравнодушного к культуре (в традиционном, разумеется, смысле), действия в отношении икон и других христианских святынь со стороны некоторых галеристов – «вариант нормы». И пляски в храме на амвоне – вариант. И всемирное чествование плясавших – тоже.

Убеждать молодых и здоровых матерей в женских консультациях в том, что надо «не рожать, не оставлять», также вариант. Учить детей в школе не целомудренному поведению, не чисто-

те душевной и телесной, а разврату – еще какой вариант! Разваливать собственную страну, предавать ее на разграбление и позор, рубя при этом сук, на котором сам сидишь, – это вообще то, без чего не стать героем своего времени.

Если же глобальней брать, то так лучше это описать: то, что являлось вроде бы еще только совсем недавно общечеловеческой моралью и общечеловеческими ценностями, куда-то ушло, кануло в небытие, тоже сменилось «другим вариантом» ценностей и морали – аморальным и бесценностным. И натыкаешься на это повсюду, и… жаловаться на это безобразие хочется. Да некому уже. Возмутишься, так окажется, что все-таки какие-то ценности есть, и ты их оскорбил, над ними надругался. Ценность, собственно говоря, одна: толерантность по отношению ко всему ненормальному. Или – впору делать такую оговорку – ко всем вариантам нормы.

И великая милость Божия для каждого из нас и всего человечества в целом – это то, что есть Церковь. Потому что она хранит в себе – в Предании своем, в учении, в истории, в житиях святых – образ верного отношения ко всему, или иначе – Идеальную Норму. И кто хочет узнать ее, может придти и узнать. И на этом основании, твердом и неизменном, истинном и не колеблющемся строить всю свою жизнь.

Вот только… Вот только приходят, как правило, в Церковь тогда, когда услышат кого-то из нас, ее людей. Да и из пришедших далеко не все одинаково оказываются способными читать, изучать, вникать. Многие все так же предпочитают слушать. Да и как не слушать – не слышать-то ведь тоже нельзя…

Вот потому-то и опасно это так – когда о том, что с точки зрения Евангелия, как той самой главной, идеальной нормы, однозначно и толкованию не подлежит, говорят в Церкви и от Церкви поразному. То есть – в соответствии с нормой и… ее вариантами.

Я пишу сейчас об этом и понимаю, что провоцирую вопрос: а как же тогда разобраться верующему человеку, сделать правильный выбор между тем и другим? И слышал на самом деле такие вопрошания в жизни неоднократно. Это симптом. Потому что сделал я ведь оговорку: речь о таких вещах, которые для христианина двоякого толкования не предусматривают.

Ну вот скажите: для двоякого толкования вопрос о том, хорошо ли принимать законы о детях, думая и заботясь при этом о чем угодно, но только не о них?

Или другой вопрос: налаживать отношения с теми, кто хулит и ненавидит Христа, заигрывать с ними или отвращаться от них и ничего общего не иметь?

Или еще: говорить о зле – добро и о добре – зло? Это как?

Ведь всякое при нашем «плюрализме христианском» бывает сегодня. Бывает следование норме, верное, неуклонное, до исповедничества, похожее на свет, рассеивающий уже сгустившийся мрак. А бывает – поиск ее «вариантов», соблазнительный и соблазняющий, с пути сбивающий, ориентиров лишающий.

Трудно во всем в этом подчас разобраться, мучительно, неудобно. Но, с другой стороны, наверное, не невозможно, если слушать в первую очередь не чьи-то голоса, не свои страсти, а собственную христианскую совесть. Она всегда пытается сквозь все мешающее пробиться. И пробивается, если мы решительно ей не препятствуем.

Важно это очень, мыслить и жить по-христиански нормально, без вариантов. Ведь для Господа – и живем, и умираем. А перед Его лицом – какие варианты?

pravmir.ru

Богословие в микроскопе

Отношение Церкви к науке очень четко сформулировал еще в XIX веке святитель Филарет Московский. «Вера Христова не во вражде с истинным знанием, – сказал он, – потому что не в союзе с невежеством».

Люди науки любят спорить. Умение вести дискуссию, подкрепляя свои слова научными фактами, – важнейший навык для любого настоящего ученого. И многие из них, безусловно, этим навыком владеют в совершенстве. Однако почему-то, когда речь заходит о Церкви, некоторые ученые демонстрируют полное неумение вести диалог. Вспомним, например, письмо, опубликованное в СМИ после открытия кафедры теологии в Московском инженерно-физическом институте. «В других странах аналогичные кафедры (то есть кафедры теологии – о. Д. К.) существуют или в частных университетах, – говорится в письме, – или как дань многовековой традиции, поскольку средневековые университеты изначально были созданы для подготовки служителей культа». Интересно, на каком основании сделано такое обобщающее заявление? Например, Болонский университет – одно из старейших учебных заведений Европы – специализировался на изучении римского права и готовил в основном юристов. В Сорбонне и Оксфордском университете, действительно, учились главным образом священники. Но преподаваемая там теология отнюдь не помешала этим университетам стать лучшими учебными заведениями на земном шаре и дать миру множество великих имен. «Появление теологии в государственных научно-технических вузах вызывает и будет вызывать справедливое возмущение большинства ученых и преподавателей в России», – говорится в тексте чуть ниже. Снова абсолютно голословное утверждение. Письмо подписал 91 академик. Конечно, российская наука переживает сейчас не лучшие времена, но всё же ученых в стране гораздо больше, и апеллировать к мнению своих коллег, которое, как я понимаю, авторам письма просто неизвестно, по меньшей мере, ненаучно. Скольких своих коллег опросили подписавшиеся академики, чтобы делать заявления о том, что большинство «ученых и преподавателей России» возмущены открытием кафедры теологии в столичном вузе? В письме об этом ни слова. Очень жаль, что серьезные авторитетные люди зачастую оказываются неспособны к диалогу.

Отношение Церкви к науке очень четко сформулировал еще в XIX веке святитель Филарет Московский. «Вера Христова не во вражде с истинным знанием, – сказал он, – потому что не в союзе с невежеством».

Лично для меня очевидно, что теология может дать науке абсолютно новый подход к осмыслению процессов и явлений тварного мира. Через богословскую призму многое видится совершенно иначе. Чтобы не быть голословным, я предлагаю читателю вооружиться микроскопом и погрузиться ненадолго в мир биологии.

Внимательно разобравшись в физиологических процессах собственного организма, мы вдруг обнаружим, что они, эти процессы, подтверждают и дополняют учение Церкви о человеке, а о некоторых из них есть косвенное упоминание в Евангелии.

Например, за время жизни тело каждого из нас несколько раз полностью умирает и воскресает. Вообще жизнь человека состоит из постоянного умирания и воскрешения. Биологи выделяют два типа гибели клеток – некроз и апоптоз. Некроз – гибель насильственная, в результате ожога, удара и т.д. Апоптоз – естественное умирание клетки, которое запрограммировано либо в ней самой, либо где-то в организме (ученые об этом по сей день спорят). Примечательно, что и человек может погибнуть как естественным способом – от старости или болезни, так и насильственным. Если с некрозом всё понятно, то апоптоз – одна из великих тайн организма. Ученые не могут объяснить, почему клетка вдруг сама по себе гибнет, когда вокруг есть всё, чтобы она жила дальше. Причем умирает она по разработанной до мельчайших подробностей схеме. Создается впечатление, что срабатывает какой-то механизм, ограничитель жизни. Например, красные клетки крови эритроциты живут 120 дней, затем погибают, и двухвалентное железо, входящее в состав гемоглобина, транспортируется в костный мозг для синтеза молодых клеток.

Доказано, что суммарная масса клеток, которые на протяжении одного года жизни подвергаются разрушению, эквивалентна массе тела человека. Столько же за год появляется новых клеток. То есть если вы, дорогой читатель, весите 80 килограмм, то такая же масса клеточного материала умирает и образуется ежегодно.

А вообще, по самой распространенной теории, организм человека полностью обновляется каждые семь лет. Каждые семь лет мы умираем и воскресаем! Если вспомнить, что в православном богословии семь – число пол-

ноты, то остается лишь снова преклониться перед премудростью Творца. Святитель Григорий Богослов очень точно однажды сказал, что «человек – трупоносец». Он имел в виду, конечно, нашу смертность вообще, но и в данном контексте эти слова выглядят очень выразительно.

Живет себе человек, знает, что наступит когда-то смерть, а потом и воскресение, не подозревая о том, что два этих процесса идут на клеточном уровне, не прекращаясь, на протяжении всей его жизни. Как видим, изучение биологии может настроить душу христианина на памятование о смерти и явить прообраз всеобщего воскресения.

Вот еще пример. Любая иммунная реакция протекает с помощью клеток крови – лейкоцитов. Это наша внутренняя армия, вернее, клеточный «спецназ». Если в организм проникает какое-то инородное тело, к примеру, заноза, – лейкоциты устремляются туда и вступают в сражение. Многие из них в этом бою гибнут, образуя гной. Но если они не будут сражаться и умирать, может начаться сепсис – заражение крови. Мы видим, что и на клеточном уровне многое зиждется на жертвенности. Заглянем в микроскоп – и там увидим десницу Творца, узрим премудрость Того, Кто однажды сказал: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24). В нашем случае вместо зерна – лейкоциты, но смысл остается примерно тем же: без жертвенности нет жизни.

Организм беременной женщины почти всегда испытывает недостаток кальция, который требуется для формирования костей ребенка. Богом заложено так, что все важнейшие питательные вещества идут прежде всего малышу, часто в ущерб здоровью матери. Если этой жертвы не будет, то не будет и жизни.

В XX веке жил канадский ученый-биолог Ганс Селье. Он досконально разработал учение о стрессе. По его теории, при адаптации организма к воздействиям окружающей среды запускаются два типа реакций – стресс и дистресс. Дистресс возникает при чрезвычайном воздействии на организм каких-либо факторов, ведущих к заболеванию или даже смерти. А стресс – это нормальное воздействие раздражителей, с которым организм полностью справляется. Например, легкий румянец кожи лица от мороза – это стресс, а обморожение любой степени – дистресс. Стресс полезен, его принцип заложен и в основу спортивной тренировки и даже духовной жизни. Без стресса ее просто нет. Очень четко сказал об этом преподобный Исаак Сирин: «Никто не восходит на небо, живя прохладно. О пути же прохладном знаем, где он оканчивается». В духовной жизни необходимо интенсивное, но и умеренное напряжение. Прекрасный тому пример – пост. Если человек взял на себя чрезвычайную меру поста, то он может сломаться, подорвать здоровье, истощить свой организм, то есть вместо стресса получить дистресс.

Из всех этих фактов мы видим, что не только богословие может что-то привнести в биологию, но и биология в силах обогатить христианина новыми полезными знаниями.

Таких примеров множество. Думаю, для каждого здравомыслящего человека очевидно, что богословие способно помочь науке обобщить имеющиеся в ее багаже данные, собрать их в единое целое. В естественных науках, в частности в биологии, сейчас накоплено огромное количество научно-фактического материала, разработаны новые методы манипуляции организмом, очень остро стоит вопрос с этической возможностью применения многих открытий на практике. Клонирование, трансплантация органов, смена пола, эвтаназия – все эти вопросы требуют духовно-нравственного осмысления. Большинство из них вообще решаются только с богословских позиций. В контексте сказанного становится очевидно, что диалог между богословием и светской наукой сейчас не только возможен, он необходим. Печально, что многие высокопоставленные представители научного сообщества этого не хотят понимать.

Священник Дионисий Каменщиков
pravoslavie.ru

Порнография убийственней рака, насильственней террора, разрушительней наркотиков

Сколько людей отдает себе отчет в том, что блуд, или одержимость эротизмом, – самый большой враг современного человека? Блуд демонстрирует свои соблазнительные прелести на каждом углу, в каждом киоске и развале, заманчиво приветствует нас со страниц многотиражных газет, но самым мощным потоком вливается в наши вены, подобно сладкому яду, когда мы подключаемся к миру телевидения и Интернета – этим любимым каналам и орудиям великой блудницы.

Скажете, я преувеличиваю?

Исследования, проведенные в последние десятилетия, неопровержимо свидетельствуют, что порнография вызывает зависимость быстрее любого наркотика. Наркотики в целом вызывают зависимость самое меньшее через две недели после начала употребления, в то время как порнография, согласно недавним исследованиям, может привести к зависимости сразу же после первых просмотров. Однако не подлежит сомнению, что воспитание, здоровая психика, вера – факторы, смягчающие влияние порнографии.

«Изучая эффект зависимости, доктор Клайн, проанализировав поведение сотен людей с сексуальными отклонениями, описал четыре фазы, через которые проходят вовлеченные в употребление материалов сексуального характера, и прежде всего порнографических. Уже на первой ступени проявляется “эффект зависимости”, когда человек снова и снова обращается к всё более откровенному материалу, поскольку он служит для него очень сильным сексуальным стимулятором, обладающим эффектом афродизиака… Далее Клайн описывает “эффект возрастания”, при котором ощущается “возрастающая потребность во все большем стимуляторе для получения того же эффекта”. На третьей стадии возникает “утрата чувствительности”: вещи, казавшиеся некогда шокирующими, будоражат всё менее и менее и, как следствие, со временем начинают казаться в порядке вещей. На четвертой стадии, констатирует Клайн, имеет место “возрастающее стремление копировать на практике поведение, увиденное в порнографических материалах”».

Многих узников коммунистического режима долгие годы, иногда даже десятки лет дожидались любимые женщины, чтобы после освобождения их из тюрьмы создать семью. Мучения, издевательства, отсутствие надежды на будущее не могли разрушить любовь этих людей, не имевших возможности общаться друг с другом даже посредством писем. А сегодня порнография способна всего за несколько недель поколебать и самую чистую и пылкую любовь, и глубокое чувство, которое пестовалось десятилетиями!

«Зильман и Брайант, заинтересовавшись тем, в какой степени “порнография вступает в конфликт с семейными ценностями”, приводят данные, полученные опытным путем. В ходе исследования экспериментальной группе взрослых демонстрировали порнографические видеоматериалы в течение нескольких недель (как правило, шести). Через неделю после начала показов ответы экспериментальной группы на поставленные вопросы сравнивались с ответами контрольной группы, не подвергавшейся такому видеовоздействию.

Каковы же выводы? Просмотр порноматериалов в течение продолжительного времени, как это делалось в эксперименте, приводит к более легкому принятию промискуитета как мужчинами, так и женщинами, а по мере того как промискуитет воспринимается как нечто нормальное, верность своему партнеру по сексуальной жизни значительно ослабевает, в сравнении со взрослыми из контрольной группы. Участники эксперимента сообщали, что они с большей легкостью пошли бы на половую близость не исключительно лишь с обычным партнером: вступали бы в половые связи вне семейной жизни с лицами, которые в свою очередь тоже с кем-то живут».

Не только любовь, но даже естественное уважительное отношение к другим людям долго не выдерживает бомбардировок эротическими фантазмами. То, что не удавалось сделать самому демоническому «перевоспитанию» всех времен, проводимому в 1950-е годы в тюрьме Питешть, сегодня успешно осуществляется с помощью порнографии и пропаганды извращений.

В действительности всё намного серьезнее. Потребители порнографии со временем не только проявляют симптомы раздражительности и отсут-

ствия уважения к другим людям, но и доходят до агрессивного поведения.

«Исследования, проведенные Вивером, показали, что порнография приводит к росту жестокого сексуального обращения с женщинами. Это проявляется в возрастающей агрессивности по отношению к женщинам и равнодушии к тем ранам, которые наносятся в результате насилия и сексуальных посягательств.

Ларри Ху (Larry Hoo) из Гонконга в 1986 году проанализировал результаты 35 исследований, посвященных воздействию порнографии. "В 20 из них приходили к выводу, что порнография ведет к росту агрессивности; в 4 исследованиях было обнаружено, что существует связь между демонстрацией порнофильмов и случаями насилия, а в 11 исследованиях был выявлен тот факт, что мужчины, просматривающие порноматериалы, легче идут на насилие против женщин и издевательства над ними"».

Как люди дошли до этого, как стало возможным, чтобы блуд задавал тон почти на всех каналах средств массовой информации современного общества, если он оказывает столь разлагающее действие на сознание и жизнь людей?

Безусловно, порнография – один из самых выгодных бизнесов, поэтому ее распространение в обществе потребления вполне объяснимо, но это объяснение нельзя принять, если мы говорим не о первобытном обществе, руководствующемся инстинктами и магией. Для современного мира, в котором существуют социальные институты и законы, в котором любой феномен может быть прослежен и проанализирован социологически с целью принятия мер для защиты личности, подобное объяснение не может считаться удовлетворительным. Тем более в тех условиях, когда сами международные организации, призванные, казалось бы, бороться против торговли порнографией и проституции, законодательно поддерживают блуд.

Мы уже писали о том, как ООН и ЮНЕСКО проталкивают половое воспитание в школах и детских садах, начиная с 5-летнего возраста. Впрочем, Европейский Союз – главный оплот гомосексуалистов, издающий законы, навязывающие признание как их самих, так и браков между ними, а также усыновление ими детей. Так что блуд, порнография и даже извращения не только допускаются, но и навязчиво проталкиваются крупными международными организациями. Поэтому можно говорить даже о своего рода глобальной политике…

Обращение к книге Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» поможет нам понять движущие силы и рычаги этой мондиалистской политики. В этой антиутопии, написанной в 1930-е годы, Хаксли предсказал введение обязательного полового воспитания с самых ранних лет. Карапузов детсадовского возраста (в точности как этого требует от нас ЮНЕСКО сегодня!) посвящали в занятия эротическими играми – как для того, чтобы они лучше развили свои сексуальные инстинкты, так и для того, чтобы преодолели стыд и прочие препятствия психологического свойства, способные помешать им в дальнейшем совокупляться, как скоты, с тем, кому случилось оказаться рядом.

«В траве на лужайке среди древовидного вереска двое детей – мальчик лет семи и девочка примерно годом старше – очень сосредоточенно, со всей серьезностью ученых, погруженных в научное исследование, которое сулит великое открытие, играли в примитивную сексуальную игру…

Из соседних кустов вышла воспитательница, волоча за руку мальчугана, оравшего всё то время, пока его тащили сюда. За ними крадучись шла девчушка с озабоченной мордашкой.

– Что случилось? – спросил Директор

Воспитательница пожала плечами.

– Ничего особенного. Только вот этот мальчишка всё норовит уклониться от обычных эротических игр» (Хаксли).

Целью этих сексуальных игр было не что иное, как формирование индивидов в духе сексуального

либертинажа для будущего общества, в котором верность и любовь в рамках семьи будут считаться пошлыми и незаконными. Государство у Хаксли должно было наказывать тех, кто смел слишком долго задерживаться на любви к единственному лицу. Сегодня телевизор и порнография с успехом осуществляют воспитание подобного рода…

Как догадался Хаксли о том, что может возникнуть общество такого типа? Каковы мотивы подобного воспитания, если оно не может сделать счастливым никого и не способно обеспечить здорового общества?

Первая причина, упоминаемая героями Хаксли, такова: развращенными людьми легче управлять. Они подобны перевоспитанным, у которых вытравлено нравственное сознание, и поэтому они не могут противопоставить себя репрессиям системы.

Вторая причина та, что разврат – самый лучший способ контроля над численностью населения и ее сокращения. Ведь культура эротизма, порнографии и проституции вступает в прямой конфликт с семейной жизнью, рождением детей, как об этом свидетельствуют исследования, проведенные в наши дни:

«Зильман и Брайант показали, что просмотр порнопродукции ослабляет у участников исследования – и мужчин и женщин, и студентов и не учащихся – желание иметь детей. Зильман считает, что это может быть объяснено следующим образом: продолжительное потребление порноматериалов приводит к тому, что наличие детей и создание семьи могут восприниматься как неудобства, не являющиеся необходимыми для получения удовольствия.

Порнография предлагает легкий доступ к “превосходным” сексуальным удовлетворениям – удовлетворениям, которые даются без эмоциональных издержек, без социальных препятствий, без экономических обязательств, без затраты времени и усилий. С этой точки зрения немедленное удовлетворение, которое коммерческое телевидение предлагает и так часто проталкивает, по самой своей сути может вступить в конфликт с ценностями стабильности и ответственности, столь необходимыми для жизни и функционирования здоровой семьи».

Хаксли уже в 1930-е годы предусматривал и необходимость развития техник контрацепции и абортов для контроля над численностью населения при всеобщей развращенности индивидов. Таким образом, счастье человека в рамках семейной жизни подменяется удовольствием, полученным в крайне соблазнительной культуре разврата и порнографии. Красоте и радости полноты любви в семье и счастью рождения детей Хаксли противопоставляет плотское удовольствие, проистекающее из раздражения чувствительных зон.

Тот факт, что более 70 лет назад с такой точностью было предвосхищено сегодняшнее введение полового воспитания в школах и детских садах и беспримерное в истории распространение разврата, возможно, просто случайность. Вспомним, что в начале XX века всё это воспринималось как абсолютный абсурд, ведь тогда даже публичный поцелуй считался непристойностью.

И все-таки… Неужели простое совпадение и то, что брат Хаксли был первым генеральным директором ООН – организации, которая сегодня со всей очевидностью на практике реализует утопию, написанную более 80 лет тому назад?..

И почему в те же 1930-е годы стала «научно» обосновываться идеология, которая впоследствии выльется в навязчивое насаждение разврата, извращений и гомосексуализма?

Георгий Фечору
Перевел с румынского Родион Шишков
pravoslavie.ru

Святая мудрость

Человек бывает хуже зверя. Зверь прямо обнаруживает свое зверство, а этот скрывает свою злобу под видом кротости, и потому часто бывает трудно остеречься его.

Свт. Иоанн Златоуст

Каждое из бессловесных животных имеет один какой-нибудь недостаток: волк хищен, змей коварен, аспид ядовит, а у злого человека не так. Человек часто имеет один недостаток, но бывает и хищен, и коварен, и ядовит, соединяя в душе свои страсти животных.

Свт. Иоанн Златоуст

Чтобы уврачевать больное человеческое естество и восстановить в нем истинное, свойственное ему по первоначальному его устроению здравие – для сего потребна сверхъестественная сила... Это есть Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, Который, чтобы уврачевать подобное подобным, благоволил восприять человеческое естество здравое. И вот, когда кто верой прилепляется ко Христу, тогда Христос сочетается с ним Божеством и здравым человечеством и через такое единение восстанавливает в нем первоначальное истинное здравие.

Прп. Симеон Новый Богослов

Школа: добро пожаловать в реальность

Первоклашка из православной семьи идет в обычную государственную школу. Как сделать так, чтобы он не стал белой вороной? Как научить отстаивать свои взгляды, как уберечь от дурного влияния, как помочь в конфликтной ситуации? Отвечает протоиерей Максим Козлов.

Чему учат в школе?

Идет ребенок в школу и с чем только там не сталкивается! Еще проговорим, что дети идут в разные школы: родители выбирают по разным критериям, в какую школу им отдать своего воцерковленного, хорошего сыночка или лапочку-дочку. Но как ни притягателен мир православных гимназий и лицеев – на сегодняшний день их абсолютное меньшинство. Большинство из нас отдаст своих детей в государственные или не специфически религиозные школы.

И там окажется, что дети наши в меньшинстве с точки зрения если не Православия, то, по крайней мере, воцерковленности.

Большая часть одноклассников по воскресеньям в храм не ходит, энная – вообще в храме никогда не бывала, некоторые даже с иронией отнесутся, а там еще и мусульмане в определенном количестве найдутся, а кому-то могут встретиться представители достаточно экзотических религий и конфессий – они тоже иногда учатся в наших школах – и возникнет полифоническая картина мира.

А еще в этой картине мира кто-то начнет ругаться матом. Возникнут рассказы о телесериалах и передачах, которые мы своим детям старались не демонстрировать, если вообще включаем дома телевизор. Будут принесены игры, газеты, журналы, которые мы бы тоже хотели, чтобы они увидели лет на пять попозже…

Прививки к действительности

Что делать? Во-первых, хорошо бы эту ситуацию осознать не 31 августа, перед началом первого класса. Пусть благочестивому родителю эта мысль придет несколько раньше. К встрече с действительностью, если дети не ходили в детский сад, своих чадушек нужно готовить – через прививки к окружающей действительности, через разговоры.

О том, что люди вокруг разные.

Что учитель – авторитет, которого нужно слушаться в вопросах дисциплины, но он отнюдь не всегда будет прав, когда будет говорить о вопросах веры и каких-то взглядов – твоих или родителей.

Что иногда спорить нужно, а иногда достаточно твердо сказать о своей позиции и отказаться от разговоров на те или иные темы.

О том, что, даже если над тобой будут смеяться, в среду и пятницу сосиску есть в школьной столовой не нужно, потому что это среда и пятница. Дома мама тебе соберет с собой, что можно будет взять, голодным ты не останешься. Но это будет твоя верность Богу, в Которого мы вместе верим, твое серьезное испытание.

Быть рядом

Нужно просто стараться быть со своим ребенком рядом. Не бросить его: выплывет – не

выплывет (не самый лучший способ обучения плаванию – конечно, многие выплывают, но кто-то может и утонуть в результате или так наглотаться, что потом и к воде никогда не подойдет), а плыть сначала рядом, поддерживать.

Разговаривать с ребенком. Чтобы не получилось, как часто происходит, что сфера школьной жизни постепенно становится полузакрытой от родителей. Определенного рода информация доносится, но чем дальше, тем больше она начинает фильтроваться.

Постарайтесь остаться рядом со своими пошедшими в школу детьми. Тогда, глядишь, вы сможете им помочь.

Найти человека

Всегда не очень просто рассказывать о собственном опыте, просто потому, что тут либо надо про себя говорить хорошо, либо публично каяться – и то, и другое странно.

Со старшими дочерьми мы были молодые родители и, как многие тогдашние хотя уже не неофиты, но люди, вошедшие вместе с Церковью в новую эпоху жизни (старшие дочери у нас в 1987/88 годах родились, на грани перемен), разделяли какие-то тогдашние не только надежды, но и иллюзии, были несколько ригористами. Телевизора у нас дома не было. Книги Льюиса были, пожалуй, самыми либеральными книгами, допускавшимися для детского чтения – впрочем, и самыми любимыми. Итак, все было довольно строго.

Что мы искали? Мы тогда решили, что мы ищем не школу вообще, а учительницу младших классов. И по милости Божией нашли такого человека, который был и хорошим профессионалом (и был, и есть – тогда еще совсем молодая учительница, сейчас – просто молодая), и на тот момент не слишком воцерковленным, но православным по мировоззрению человеком. Добрый, с уважением относящийся к вере человек, который старается быть хорошим профессионалом, – это все решило.

Мне кажется, не столько нужно ограждать, сколько попытаться найти добрую, добротную, искреннюю первую учительницу. Это же самое трудное время – первые три класса. Если в них адаптация произойдет, то дальше будет легче. Дальше выработается определенный иммунитет. А вы будете с двух сторон помогать – не только вы дома, но и учительница в школе. Она будет по одну сторону баррикад с вашими детьми, что очень важно.

Подготовила Тамара Амелина
pravmir.ru

Советы родителям первоклассников

Не отправляйте ребенка одновременно в первый класс и какую-то секцию или кружок. Само начало школьной жизни считается тяжелым стрессом для 6–7-летних детей. Если малыш не будет иметь возможности гулять, отдыхать, делать уроки без спешки, у него могут возникнуть проблемы со здоровьем, может начаться невроз. Поэтому, если занятия музыкой и спортом кажутся вам необходимой частью воспитания вашего ребенка, начните водить его туда за год до начала учебы или со второго класса.

Помните, что ребенок может концентрировать внимание не более 10–15 минут. Поэтому, когда вы будете делать с ним уроки, через каждые 10–15 минут необходимо прерываться и обязательно давать малышу физическую разрядку. Можете просто попросить его попрыгать на месте 10 раз, побегать или потанцевать под музыку несколько минут. Начинать выполнение домашних заданий лучше с письма. Можно чередовать письменные задания с устными. Общая длительность занятий не должна превышать одного часа.

Компьютер, телевизор и любые занятия, требующие большой зрительной нагрузки, должны продолжаться не более часа в день – так считают врачи-офтальмологи и невропатологи во всех странах мира.

Больше всего на свете в течение первого года учебы ваш малыш нуждается в поддержке. Он не только формирует свои отношения с одноклассниками и учителями, но и впервые понимает, что с ним самим кто-то хочет дружить, а кто-то – нет. Именно в это время у малыша складывается свой собственный взгляд на себя. И если вы хотите, чтобы из него вырос спокойный и уверенный в себе человек, обязательно хвалите его. Поддерживайте, не ругайте за двойки и грязь в тетради. Все это мелочи по сравнению с тем, что от бесконечных упреков и наказаний ваш ребенок потеряет веру в себя.

Кандидат психологических наук Наталья Станиславовна Крамаренко
Журнал «Виноград»

Змеиная справедливость

Отдали в церковь старый большой сундук. Не по ставшему распространенным правилу «на Тебе, Боже, что нам негоже». То есть не от рухляди люди избавились, попытавшись заодно натянуть на себя маски благотворителей, а действительно помогли: нужен был тогда этот самый сундук приходу – воскресную школу выручить.

Вещи теперь всякие можно было складывать, а не по углам раскидывать. Привозят сундук на машине: большой такой, крепкий сундук. Мы тащим сундук в приходский домик.

Рядом, на крыльце, тетки-захожанки – комментируют наблюдаемое: «Вот, Церковь-то до чего дошла – хорошие вещи у добрых людей задарма берет. Да, обнаглели попы совсем – поди, себе в кабинет поставят, всем показывать будут, гордиться. Где справедливость?». Ладно, отнесли мы сундук, поставили на место, отряхнулись, забыли про это дело. К тому же воскресная школа окрепла да чуть побогаче стала.

А через три года звонит священник, говорит, что приход решил этот сундук отдать семье одной не шибко богатой – так, мол, не поможешь ли с транспортировкой? В чем вопрос – с удовольствием, даже свояка позову. Тащим мы этот сундучище вниз по лестнице, спускаемся по крыльцу к машине – слышим сзади змеиный такой шепоток: «Ну, ссовссем тссерковники ссстыд потеряли: имущщество народное расспродают-разбазаривают. Наверняка потом себе иномарок напокупают. Нет справедливости!» Не знаю, те же змейки шипели или новых прибыло…

Правы шипящие тетки: нет на этом свете справедливости!

Петр Давыдов
pravoslavie.ru

Притча о порванном плаще

Некий солдат спросил однажды одного из старцев, дарует ли Бог прощение грешникам. И старец ответил:

– Скажи мне, возлюбленный, если плащ твой порвался, ты выбрасываешь его?

Солдат ответил:

– Нет. Я его чиню и продолжаю носить.

Старец заключил:

– Если ты заботишься так о своем плаще, неужели же Бог не будет милосердным к Своему собственному образу?

Цветок и ветер

Ветер встретил прекрасный цветок и влюбился в него. Пока он нежно ласкал Цветок, тот отвечал ему еще большей любовью и издавал прекрасный аромат. Но Ветру показалось мало этого, и он дохнул на Цветок мощным дыханием своей любви. Цветок не выдержал и сломался. Ветер попытался поднять его и оживить, но не смог. Он утих и снова задышал на цветок нежным дыханием любви, но тот увядал на глазах. Закричал тогда Ветер:

– Я отдал тебе всю мощь своей любви, а ты сломался! Видно, не было в тебе любви ко мне!

Но Цветок ничего не ответил. Он умер.

Истинная любовь не ищет своего.

О дворнике и начальнике

Вызвал директор дворника в кабинет: «Я хочу поработать дворником, оставаясь директором. А ты будешь мне помогать!» – «Это несложно, только непонятно, для чего это вам нужно? Хотя, впрочем, мое дело маленькое...» – сказал дворник. «Начальство требует от руководителей быть ближе к людям. Вот к этому мы и приступим! Но приказываю обращаться ко мне как к директору, а не как к дворнику!» – «А как вы себе это представляете?» – не понял дворник. «Ты подсказывай мне все, что требуется от дворника, но чтобы люди и ты сам обращались ко мне, как к директору – Иван Иваныч! – и все в таком роде!» – «Знаете что, Иван Иваныч! Работе дворника вы, конечно, можете научиться, но почувствовать себя понастоящему простым человеком – не сможете!» – «Это почему же?» – «А потому, что вы никогда не сможете забыть, что вы – директор!»

Если хочешь смириться, оставь всякую власть над людьми.

Простые ответы

Пришел как-то человек к старцу и спрашивает:

– Скажи, кто мудр?

– Кто мудр? – переспросил старец. – Тот, кто видит будущее.

– А кто зовется сильным?

– Кто силен? Тот, кто побеждает свои страсти, – ответил старец.

– Кого можно назвать богатым? – спросил человек.

– Кто богат? Тот, кто доволен своей долей.

– А что делать человеку, чтобы сохранить жизнь?

– Не жалеть жизни своей для Бога.

– А чтобы умереть?

– Для этого достаточно пить, есть и веселиться.

Царство, которое пониже

Было как-то некоему святому откровение, как люди хотели войти в Царство Небесное. Собралась толпа у врат Царства Небесного, и отворились этим людям врата. И сказал Бог людям: «Приидите, благословенные, наследуйте Царство Небесное!» И тут кто-то из них говорит: «Господи, я очень Тебе благодарен, только мне один человек неприятен, пусть в Твоем Царстве его не будет!» За ним другой человек подал голос: «Господи, а я даже представить себе не могу, чтобы мой обидчик жил в Твоем Царстве вместе со мной!» И другие люди стали просить Бога: «Господи, если нас возьмешь в Свое Царство, пусть там не будет тех людей, которые нам неприятны!» И слышат они голос Бога: «Царство Небесное открыто для всех, кто, живя на земле, научился любить ближнего и смиряться! А для остальных, кто не хотел научиться Любви и смирению, есть другое царство, только оно пониже расположено!» И наступила тишина, и затворились врата Небесные.

Сказал старый монах: «Подумай, как войдешь в Царство Божие, если не смиришься?»

Притча о доброй старушке и ее молодой душе

У одной доброй, мудрой старушки спросили:

– Бабушка! Ты прожила такую тяжелую жизнь, а душой осталась моложе всех нас. Есть ли у тебя какой-нибудь секрет?

– Есть, милые. Все хорошее, что мне сделали, я записываю в своем сердце, а все плохое на воде. Если бы я делала наоборот, сердце мое сейчас было бы все в страшных рубцах, а так оно – рай благоуханный. Бог дал нам две драгоценные способности: вспоминать и забывать. Когда нам делают добро, признательность требует помнить его, а когда делают зло, любовь побуждает забыть его.

Притча старца Паисия Святогорца о жадине монахе

В одном монастыре Греции был обычай: за трудную работу давать братии немного денег. Монахи в монастыре называются братией, ведь они живут, словно большая семья. Многие монахи хотели потрудиться побольше, а полученные деньги раздать бедным. Только один монах поступал по-другому. Никто никогда не видел, чтобы он подал милостыню хотя бы одному бедняку. И его прозвали Жадиной. Проходили годы. Всё оставалось по-прежнему.

– Вот скупердяй! – думали другие монахи.

Но пришло время перейти монаху, прозванному Жадиной, в жизнь иную, и он умер.

Когда в окрестных селениях узнали про смерть Жадины, в монастырь стали стекаться все жители, чтобы попрощаться с умершим. Они оплакивали Жадину и сожалели о его смерти.

А братия очень удивились.

– Что сделал вам доброго этот человек? Почему вы так оплакиваете его? – спросили они.

Один крестьянин сказал:

– Он спас меня!

А другой добавил:

– И меня!

Крестьяне трудились с утра до вечера, чтобы накормить своих детей. Но без вола трудно пахать землю. Если же в семье был вол, то дети уже не сидели без хлеба.

И вот монах, которого прозвали Жадиной, копил деньги и покупал самым бедным волов.

Так он спасал их от голода и бедности.

Как же были удивлены все те, кто считал монаха жадиной!

И старец Паисий закончил свой рассказ словами:

– Как можно, не зная, делать выводы? Ведь сказал Христос: «Не судите».

Притча о женщине и мужчине

Говорят, что муж подобен единице. А жена – нулю. И от того, как станут в ряд эти две цифры, все может в жизни измениться. Когда девушка приходит в дом с добродетелью смирения, то став за мужем нулем, удесятеряет значимость семьи и каждого из супругов. А глупая жена стремиться стать перед мужем. Счет тогда идет наоборот. И результат – соответствующий, сводящий все к одной десятой.

Притча о хмуром человеке

Едет хмурый человек в троллейбусе и думает: «Вокруг ничего хорошего, одна тоска. Жена – ворчунья, дети – хулиганы, начальник – злыдня...»

За его спиной ангел-хранитель с блокнотом и ручкой. Записывает и думает: «Одна тоска, начальник – злыдня, жена – ворчунья, дети – хулиганы... Вроде было уже... И зачем ему это все время? Но раз заказывает – придется исполнять...»

Притча о «бессмертном» дубе

Прожил дуб тысячу лет и решил, что он – бессмертен.

Но тут сверкнула молния, и остался от него один огромный обугленный пень.

А еще – живое назидание всем остальным деревьям в лесу:

Уж если дуб оказался не вечен, что тогда с нами будет?..